

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА
ОРЛОВА

18+

В плену ЧУДОВИЩА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Екатерина Орлова

В плену Чудовища

<https://litres.ru/74643558>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Что вы от меня хотите?! - кричу, как только изо рта вырывают кляп. – Кто вы такие?!

Мне никто не отвечает. Как будто мой голос не громче писка комара.

А потом в комнату заходит он. Тот самый любитель черного, густого кофе.

Он сразу занимает собой все пространство, вытягивая из помещения воздух. Перекрывая мне кислород.

Мужчина подходит и присаживается на корточки. Смотрит в глаза своими пронзительными. На его лице ни единой эмоции, и это чертовски сильно пугает.

– Что что это за игры? – спрашиваю хрипло, глядя на него сквозь пелену слез.

– Это не игры, Елена, - отвечает он глубоким бархатным голосом. – Теперь это твоя жизнь. Привыкай. Ты моя пленница, и у тебя нет ни единого шанса вырваться отсюда. Пока я не получу то, что хочу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	65
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	82
Глава 15	87
Г	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Екатерина Орлова

В плену Чудовища

Пролог

На мой стол ложится фотография.

Выпустив дым сигареты, пальцемдвигаю снимок к себе.

Она смотрит прямо на фотографа. Улыбается открыто. Ей нечего скрывать и нечего бояться. Пока что. Она ведь еще не знает, что будет дальше.

– Еще есть? – спрашиваю, и Лоренцо кладет передо мной еще один снимок.

Она за роялем в большом зале. На ней черное платье с блестящей нитью, которое немного бликует. Она сосредоточенно играет. Пальцы опущены на клавиши, а задумчивый взгляд устремлен в пустоту.

– За ней следят? – спрашиваю, откинувшись в кресле. Черная кожа высочайшего качества приятно скрипит.

Делаю новую затяжку и смотрю на своего консильери. Он кивает с серьезным лицом.

– Да. Человек, который за ней присматривает, ждет ваших распоряжений.

Потянувшись, цепляю пальцем фотографию, где она играет. Беру ее и подношу ближе к лицу. Рассматриваю девуш-

ку. Красивые волосы. Светлые, пшеничного оттенка. Спина ровная, руки тонкие. Выглядит изящной и хрупкой. Чрезмерно открытой, будто действительно нечего скрывать.

Снова затягиваюсь, продолжая смотреть на нее.

– Красивая, – произношу задумчиво. Лоренцо не реагирует. Знает, что я не жду ни его поддержки, ни оценки. – Готовьте самолет. Завтра утром вылетаем.

Кивнув, консильери покидает мой кабинет, тихо закрыв за собой дверь. Я продолжаю курить и смотреть на снимок.

– Скоро я приду за тобой, – произношу тихо и склоняю голову набок.

Вернув снимок на стол, поднимаю взгляд к потолку и выпускаю туда сизый дым, который тут же подхватывает сквозняк и выносит за окно. Тушу окурок в хрустальной пепельнице.

Упираюсь локтями в стол и еще раз смотрю на фотографию.

Мне не нужна ее жизнь. Для меня она не представляет никакой ценности. Мне нужен ее отец. Только с ее помощью я могу выманить эту крысу из норы.

Глава 1

Елена

– Вера Вениаминовна, вашу газету опять бросили в наш ящик, – говорю через железную дверь, и через секунду она открывается.

Соседка улыбается, забирая из моей руки газету.

– Спасибо, Леночка. Не надо было подниматься ко мне, достаточно было перебросить в мой ящик. Завтра внук придет, он бы забрал.

– Но вы же хотите прочитать сегодня, – отвечаю ей с улыбкой. – А мне не сложно.

– Спасибо еще раз, – кивает она.

Я разворачиваюсь и сбегая по ступенькам на два этажа ниже. Останавливаюсь перед дверью в нашу квартиру и тяжело вздыхаю. Не могу никак унять тревогу. С самого утра проснулась с ощущением, будто за горло схватил кто-то и сжимает. Странное такое ощущение.

Казалось бы, все спокойно. Моя жизнь идет своим чередом. В универе начались каникулы, я устроилась в кофейню неподалеку от дома на подработку. Да, моя тетя хорошо зарабатывает и полностью меня обеспечивает. Но мне хочется и какой-то собственный вклад в бюджет нашей маленькой семьи делать.

Сегодня самая обычная суббота. С утра мы с тетей съез-

дили за продуктами, потом вместе приготовили еду. После этого убрали в квартире. Это наша традиция. Суббота – день готовки и уборки. Так повелось еще с моего детства.

Теперь я сходила за нашей любимой вредной газировкой и попкорном, потому что мы собрались посмотреть старую комедию.

– Надо найти фильм такой же древний, как и я, – пошутила утром тетя Тома. Точнее, мама Тома, как я называю ее.

Поднимаясь, я забрала почту, заскочила к соседке и теперь вот стою перед дверью в квартиру, а у меня ощущение, будто за мной кто-то наблюдает. И как только эта мысль приходит в голову, горло сжимается сильнее.

Дверь соседней квартиры открывается, и из нее на беговелке буквально вылетает Маришка – дочь соседей. Ее светлые волосики собраны в высокие хвостики, на которых качаются розовые кисточки от резинок.

– Привет, Маришка! – восклицаю я.

– Я гулять еду, – старательно выговаривает трехлетка. – Мама купит мне маоженое.

– Тебе повезло, – киваю и здороваюсь с мамой Маришки, Таней.

– Какие у тебя красивые резиночки, – хвалю, когда она подъезжает ко мне. Я на автомате становлюсь так, чтобы закрыть собой лестницу, потому что малышка может разогнаться и слететь по ней.

– Папа купив, – она гордо задирает подбородок и улыба-

ется. – Еще синие есть. Показать?

Она тянется в кармашек платья и вытаскивает оттуда такие же резиночки. Хвастается мне, а потом Таня вызывает лифт, и они спускаются, а я наконец делаю глубокий вдох. Как будто стальные тиски, сжимавшие горло, немного ослабевают. Не отпускают полностью, но, по крайней мере, теперь у меня есть возможность сделать полноценный вдох. Пока и этого достаточно.

В квартире пахнет чистотой и свежестью благодаря открытым окнам. В гостиной развивается белый тюль. Мама Тома сидит на балконе и курит тонкую сигарету, погрузившись в сюжет книги, которую держит в свободной руке.

– Ленусь, ты? – спрашивает, не отрывая взгляда от раскрытой книги.

– Я, мам Том. Все купила.

– Дочитаю главу, и можем смотреть.

Выгрузив на кухне покупки, мою руки и топаю в гостиную, где стоит самая дорогая для меня вещь на свете. Вещь, с которой связано множество воспоминаний. К сожалению, чужих, потому что свою маму я знаю только по рассказам. Даже фотографий толком не осталось.

Этот полированный черный красавец принадлежал ей. Роскошный рояль, который ей подарил любимый мужчина, о котором мы с мам Томой не знаем ровным счетом ничего. И теперь рояль достался мне.

В музыкальную школу меня отдали в шесть. Я хотела в

пять, но мама Тома никак не могла, поскольку раньше семи туда вообще не брали. Полгода я закатывала истерики и “насиловала” инструмент. В какой-то момент мама Тома сдалась и нашла мне частного репетитора. Я немного успокоилась, потому что мое тыканье в клавиши начало обретать какую-то удобоваримую форму. Через полгода обучения маме Томе удалось меня таки устроить в музыкальную школу.

Я перепробовала много инструментов, но фаворитом навсегда остались клавишные. В старших классах я поняла, что мне прямая дорога в консерваторию, куда я и поступила. С первого раза и на бюджет. Но как же я себя истязала, готовясь к поступлению! Ни спать, ни есть не могла. Маме Томе приходилось заставлять меня садиться за стол и ложиться в кровать хотя бы в полночь. Не знаю, как она все это выдержала. Но в итоге я все же поступила.

Поднимаю клап и сажусь на кожаный крутящийся стульчик. Поправляю принадлежавший маме - по словам тети - браслет. Тонкая серебристая цепочка с висящей на ней подвеской с бриллиантом, а потом опускаю пальцы на клавиши.

Я даже не задумываюсь о том, что буду играть.

Стоит первым аккордам “Пассакалии”* заполнить гостиную и наполнить меня изнутри, как мама Тома отрывается от книги и поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.. В грудной клетке как будто становится меньше места, и мне едва удастся дышать. Но это приятный и знакомый мне тип удушья, к которому я привыкла за много лет. И он нравится

мне.

На глазах мамы Томи снова слезы, как и каждый раз, когда я играю это произведение. Я делаю это часто, но тетя все равно смотрит на меня сквозь пелену слез. Каждый раз.

А потом как будто все меняется. Что-то идет иначе.

Пальцы привычно бегают по клавишам, выдавая знакомые звуки, которые я могу произвести в любом состоянии в любое время дня. Но сегодня пульс учащается и сердце колотится быстрее обычного. Руки покрываются мурашками, и я закрываю глаза, повторяя мелодию от самого начала.

Тревога, которую я испытывала целый день, перерастает в нечто другое. Мне тяжелее дышать. Отголоски грохота сердца как будто ощущаются даже в горле, и создается впечатление, будто оно вибрирует от этого ритма.

Не понимаю, что происходит. Даже руки начинают дрожать.

Мне страшно? Тревожно?

Мне непонятно. Я не могу разгадать, что происходит. И создается впечатление, будто я гонюсь за ответом на этот вопрос, словно за ускользающим призраком. Но чем ближе я, тем сильнее он отдаляется.

Я чувствую. Нет, не так. Предчувствую. Скоро моя жизнь изменится, и я осознаю, что эти изменения мне могут не понравиться.

Дыши, Лена. Дыши. Просто дыши - это все, что нужно делать.

Вздрагиваю от прикосновения к моим голым плечам и, резко распахнув глаза, отрываю пальцы от клавиш так быстро, будто они горят.

– Все хорошо? – спрашивает мама Тома.

– Да, – отвечаю на автомате. Пытаюсь по привычке улыбнуться, чтобы не беспокоить ее, но ничего не выходит.

Мама Тома берет меня за руку и, потянув за собой, ведет к плюшевому дивану, на котором, растянувшись, спит наш мейн-кун Томас. Мы садимся так, чтобы не задеть кота. Мама смотрит мне в глаза и немного хмурится. Она все еще сжимает мои похолодевшие пальцы.

– Ты ведь знаешь, что можешь поделиться со мной всем, – напоминает она. – Ты с утра сама не своя. Что случилось? И не говори, что все в порядке. Я же вижу.

– Мам Том... – начинаю, но замолкаю на несколько секунд. Даже в моей собственной голове это звучит, как бред. Она легонько сжимает мою руку, побуждая продолжить. Я сглатываю и делаю судорожный вдох. – У тебя бывает ощущение, будто за тобой следят? Постоянно. За каждым шагом.

Я вижу, как меняется лицо мамы Тома. Она практически мгновенно бледнеет и сглатывает, чуть поджав пухлые губы.

– В каком смысле – ощущение, что за тобой следят? – спрашивает она, и я слышу, что ее голос стал немного сиплым. Прищуриваюсь, впиваясь в тетю взглядом.

– Просто ощущение, – выдаю аккуратно. – Ты что-то знаешь, да? Что ты от меня скрываешь?

– Ничего, – быстрее необходимого выдает мама Тома. – Что я могу от тебя скрывать?

– Тогда почему так странно ведешь себя?

– Я просто... Ладно, – она шумно выдыхает, – из-за таких разговоров я нервничаю. Ты же знаешь, что дороже тебя у меня никого нет. – Мама Тома опять сжимает мою руку. – Поэтому, когда ты сказала, что у тебя ощущение, будто за тобой следят, внутри вспыхнула тревога. Буквально за секунду. А ты... оглядывалась по сторонам? Никаких подозрительных машин или людей не было?

– Нет, – отвечаю, нахмурившись. – Мам, точно ничего такого ты не знаешь?

– Леночка, иногда нам кажется, что за нами следят. Но, думаю, для паники нет оснований. У нас хороший район и ЖК. Вряд ли тут может что-то случиться. Но все равно будь внимательна и не игнорируй ощущения.

– Ладно, – отвечаю медленно.

Я соглашаюсь и позволяю тете перевести разговор на тему фильма. Сама же продолжаю немного хмуриться. Вот что бы ни говорила мама Тома, а у меня ощущение, будто она что-то скрывает. И это уже не в первый раз.

Судорожно вздохнув, топаю на кухню поставить попкорн в микроволновку. На улице уже начинает смеркаться. Пока в пакете хлопает кукуруза, я подхожу к окну и выглядываю во двор. Взгляд сразу выхватывает все черные машины, которые мне кажутся подозрительными. Черт, да даже минивэн

многодетной семьи соседей мне сейчас не внушает доверия.

Это ведь глупости, правда?

Ну глупости же.

Жила себе восемнадцать лет в этом районе, все было спокойно. С чего вдруг сейчас должно что-то произойти?

А интуиция уже не подсказывает. Она кричит на меня дурным голосом, что не обманывает. Только я не внимаю ей. И последующие события покажут, как сильно я ошиблась...

Горло снова сковывают тиски, и я вздрагиваю от писка микроволновки.

* Passacaglia - произведение композиторов Георга Фридриха Генделя и Юхана Хальворсена

Глава 2

Каэтано

Я слышу, как открывается и закрывается дверь. Твердые шаги, которые затихают в центре моего кабинета. Я не оборачиваюсь. Засунув руки в карманы брюк, продолжаю наблюдать за плывущими по небу облаками.

Чувствую, как нарастает напряжение. За спиной мой консьюэри, Лоренцо, и один из капо – Адамо. Мне даже кажется, будто я слышу, как колотится сердце последнего. Молчу и продолжаю смотреть в окно. Адамо должен почувствовать и пережить этот страх, чтобы не допускать новых ошибок в будущем.

– Босс, – начинает он, но тут же затыкается. Предполагаю, это Лоренцо заткнул его одним взглядом.

Вздыхаю и, поправив ремень на черных брюках, оборачиваюсь. Смотрю сначала на своего консьюэри. Выражение лица нечитаемое, взгляд выражает спокойствие и холод. Все как обычно, ничего нового.

Потом перевожу свой на капо. Адамо нахмурен. Молодой, дерзкий, инициативный. Иногда даже слишком, как сегодня, например. Мне нравится с ним работать, но, как показала практика, ему стоит иногда глушить свои порывы, потому что в следующий раз его инициатива может привести к печальным последствиям. И Адамо лучше усвоить этот урок

сейчас.

Он смотрит с легким испугом, хотя старается вести себя как обычно.

Я чуть задираю голову.

– Сегодня утром мне позвонил Данте Коссига, – произношу спокойно и тихо.

Именно в такие моменты напрягается вся моя армия. Когда я разговариваю тише обычного. Когда подбираю каждое слово. Когда смотрю, и в моем взгляде они читают пустоту. Так и должно быть, потому что повышать голос я не люблю. И самообладание не теряю. Но для всех них босс, который в любой ситуации действует с холодной головой, страшнее самого жуткого врага. Благодаря моему самообладанию у них нет возможности влиять на меня или даже просто понять, как вести со мной разговор.

– Я знаю, – кивает Адамо. – Босс, простите, что не посоветовался, – быстро говорит он. – Понимаю, что...

– Ты прыгнул выше головы, – перебиваю его тем же стальным тоном без единой эмоции. – Обошел моего консилиери. Меня.

– Босс, я просто хотел...

– Закрой рот, Адамо, – цедит Лоренцо.

Тот захлопывается и продолжает глазеть на меня.

– Ты обошел всех и заключил сделку, о которой тебя не просили, – продолжаю я, но Адамо больше не пытается встрять и начать оправдываться. – Ты отдал наш канал Кос-

сига. Подарил им путь через Сицилию фактически в обход нашей организации.

– Нет, что вы? – восклицает Адамо, тараща на меня свои темные глаза. – Босс, я бы никогда! Он будет платить! С каждой партии...

Я устало смотрю на консильери, и тот снова рычит на Адамо.

– Закрой рот, или я засуну тебе дуло в глотку!

Капо затыкается, затравленно глядя на меня.

– Даже сейчас, допустив ошибку, ты пытаешься доказать мне, что поступил правильно, – произношу я, а Адамо быстро качает головой. – Но все, что ты должен был сделать, – это не совершать ее. А еще лучше позвонить Лоренцо, чтобы он обсудил со мной возможность такого сотрудничества, если она вообще существовала. Но каждый в моей организации знает, я не работаю с Коссига.

Замолкаю и жду, что дальше скажет Адамо.

Он опускает голову и кивает.

– Простите, босс, – произносит негромко. – Я правда подумал, что это удачная сделка. Хотел... – Он смотрит на меня исподлобья. – Хотел принести больше пользы.

Я склоняю голову набок и вздыхаю, глядя на Адамо.

– Я ценю, – произношу спокойно. – И ты оценишь свое положение, когда твоей ячейкой начнет управлять твой собственный консильери, а ты будешь вынужден его слушаться. Тогда ты в полной мере осознаешь свою ошибку.

– И целуй руки босса за то, что остался жив, – цедит Лоренцо.

Адамо бросается в мою сторону, но я поднимаю руку раскрытой ладонью вперед, чтобы остановить его. Он смотрит на меня в растерянности.

– Ты отстранен от должности капо. – У Адамо отвисает челюсть. – Пока что на время. На какой срок, еще не знаю. Но я буду наблюдать. Управлять твоей ячейкой будет Джакомо. По крайней мере, пока я не решу иначе. Если решу, – добавляю и делаю небольшую паузу, чтобы в мозгах Адамо осел факт того, что он теряет должность. – Дальше будет видно.

– Спасибо, сеньор Каэтано. Босс. Спасибо, что сохранили мне жизнь. Но я хотел как лучше.

– Не оправдывайся, Адамо, – коротко качаю головой. – Первый признак мужчины – умение брать на себя ответственность за свои поступки. В том числе, за свои проебы. Возьми эту ответственность и понеси наказание достойно.

– И благодари бога, что выжил, – добавляет Лоренцо.

Небрежно махнув рукой, отправляю Адамо прочь. Он пятится к двери, не решаясь повернуться ко мне спиной, а потом все же выпрямляется, напоминая мне, почему я поставил его на столь ответственную должность. Не за трусость ее получил Адамо Карузо. Как раз наоборот.

Кивнув, капо исчезает за дверью, а Лоренцо впивается в меня взглядом.

– Что будем делать с Данте, босс?

– Ничего. Любой из моих капо представляет меня и выражает мою волю. Разрыв договора на следующий день после его заключения, сам знаешь, будет выглядеть как слабость и брешь в составе моего войска. У тебя опыта больше, чем у меня, так что не мне объяснять тебе, как все работает. – Делаю паузу, усаживаясь за свой дубовый стол. – Что насчет ребенка Коваля? – спрашиваю и закурываю.

На столешницу ложится фотография.

Выпустив дым сигареты, пальцемдвигаю снимок к себе.

Она смотрит прямо на фотографа. Улыбается открыто. Ей нечего скрывать и нечего бояться. Пока что. Она ведь еще не знает, что будет дальше.

– Еще есть? – спрашиваю, и Лоренцо кладет передо мной еще один снимок.

Она за роялем в большом зале. На ней черное платье с блестящей нитью, которое немного бликует. Она сосредоточенно играет. Пальцы опущены на клавиши, а задумчивый взгляд устремлен в пустоту.

– За ней следят? – спрашиваю, откинувшись в кресле. Черная кожа высочайшего качества приятно скрипит.

Делаю новую затяжку и смотрю на своего консильери. Он кивает с серьезным лицом.

– Да. Человек, который за ней присматривает, ждет ваших распоряжений.

Потянувшись, цепляю пальцем фотографию, где она иг-

рает. Беру ее и подношу ближе к лицу. Рассматриваю девушку. Красивые волосы. Светлые, пшеничного оттенка. Спина ровная, руки тонкие. Выглядит изящной и хрупкой. Чрезмерно открытой, будто действительно нечего скрывать.

Снова затягиваюсь, продолжая смотреть на нее.

– Красивая, – произношу задумчиво. Лоренцо не реагирует. Знает, что я не жду ни его поддержки, ни оценки. – Готовьте самолет. Завтра утром вылетаем.

Кивнув, консильери покидает мой кабинет, тихо закрыв за собой дверь. Я продолжаю курить и смотреть на снимок.

– Скоро я приду за тобой, – произношу тихо и склоняю голову набок.

Вернув снимок на стол, поднимая взгляд к потолку и выпуская туда сизый дым, который тут же подхватывает сквозняк и выносит за окно. Тушу окурок в хрустальной пепельнице.

Упираюсь локтями в стол и еще раз смотрю на фотографию. Переворачиваю ее и читаю короткое досье:

Елена Волкова, 19 лет.

Елена...

Снова смотрю на снимок, где она за роялем. На ее запястье браслет. Точно такой, какой носила Елена...

Сжимаю челюсти, но тут же закрываю все мысли на замок. Только сейчас замечаю, что не до конца затушенный окурок все еще дымится. Дожимаю его пальцем, едва чувствуя жар на кончике.

Встав, забираю со спинки кресла пиджак и твердым шагом покидаю кабинет.

Глава 3

Елена

Повожу плечами, снова борясь с этим неприятным ощущением. Спина покрыта мурашками, и я как будто чувствую на себе чужой взгляд. Поворачиваю голову и обвожу взглядом посетителей кофейни. Делаю вид, что просто проверяю, не нужна ли кому-то моя помощь, но на самом деле я сканирую пространство на предмет наличия того, под чьим взглядом снова и снова волоски на теле встают дыбом.

Никто на меня не смотрит. Сейчас заняты только три столика. За одним сидит молодая мама с малышкой в коляске. Кроха болтает ногами, пока мама кормит ее клубничным сорбетом.

За вторым столиком сидит парень с ноутбуком и сосредоточенно колотит по клавишам.

За третьим – мужчина средних лет в деловом костюме с аккуратно уложенными волосами. Его взгляд сосредоточен на экране телефона, который он держит в руке. Мужчина иностранец, со мной разговаривает на английском.

Снова повернувшись к стойке, забираю у баристы чашку с латте для молодой мамы и несу его ей. Она с улыбкой благодарит, а малышка улыбается мне перепачканными сорбетом губами.

Казалось бы, обычная смена в кофейне, но я все время ка-

кая-то дерганая. Как будто интуиция подсказывает, что совсем скоро что-то случится, но что именно, я пока не понимаю.

– Я на минутку, – говорю Ире, баристе. Она кивает.

Захожу в подсобку за барной стойкой и тороплюсь в раздевалку. Вытаскиваю из рюкзака телефон, а потом прохожу по коридору к заднему выходу. Меня обдает теплым ветерком в небольшом проходе между зданиями. Прижавшись бедром к перилам на низком крыльце, набираю мам Тому. Знаю, что сегодня у нее дел по горло, но мне надо с кем-то поговорить.

– Ленусь, все хорошо? – отвечает она вместо привычного “Привет, доця”.

– Почему ты спрашиваешь?

– Что-то сердце у меня не на месте, – отвечает тетя.

– На работе что-то?

– Да нет, тут как раз все стабильно.

Моя тетя ведет свой бизнес сколько я себя помню. Она продает пряжу для вязания, и это дело у нее поставлено на поток. Сегодня у нее день отправки посылок, так что она вся в заботах, и мне моя тревога сейчас кажется какой-то надуманной.

– Слушай, мам... – начинаю и сглатываю. Я никогда не заговорила с ней эту тему, и сейчас мне это кажется странным. Но я должна спросить, потому что этот вопрос не дает мне покоя уже который день. – Как думаешь, а мой отец не может начать меня искать? Ну, он же знал, что мама беременна.

Или нет?

На той стороне повисает тишина. Как будто мама Тома раздумывает, говорить ли мне правду.

– С чего ты вообще взяла, что он может? – аккуратно спрашивает она. – Ты что-то видела? Кто-то пристально следит за тобой или что? Не понимаю, откуда вообще взялись такие мысли.

Я не тороплюсь отвечать на ее вопрос. У меня стойкое ощущение, будто она разговаривает со мной так, словно пробоует воду кончиками пальцев или ступает по минному полю. словно что-то скрывает, и теперь вынуждена тщательно подбирать слова, чтобы не выдать какой-то тайны.

Глупости. Ну какие тайны у мам Тома могут быть от меня? всю свою жизнь я живу с ней. Она отказалась от личной, чтобы воспитывать меня, исключив риски, что кто-то из ее мужчин может меня обидеть. Я не знакома ни с одним из тех, с кем она встречалась. А последние пять лет у нее один и тот же мужчина. Я случайно услышала ее разговор с подругой по телефону, где она сказала, что Артур Львович сделал ей предложение в третий раз.

Наверное, поэтому я и хочу стать самостоятельной. Хочу съехать от мамы Тома и дать ей возможность построить личную жизнь.

– Лена? – зовет она меня встревоженным голосом. – Откуда эти подозрения? Что-то случилось?

Выдыхаю, на мгновение прикрыв глаза, а потом качаю го-

ловой, будто мама Тома может меня видеть.

– Нет, - отвечаю, а потом прочищаю горло. – Просто... как будто грядет какое-то событие, а я не в курсе, какое именно, и меня это беспокоит. Но, наверное, это просто моя тревожность опять проснулась.

– Знаешь, я... в общем... может, стоит просто оглядываться по сторонам. И сделай упражнение на успокоение. Просто напомни себе, что тебе ничто не угрожает.

– Ты права, – вздыхаю я. – Не о чем тревожиться.

– Осторожность еще никому не помешала.

– Ладно, мне пора возвращаться к работе. Прости, что отвлекла такой мелочью.

– Что ты, доця? Ты же знаешь, что всегда можешь звонить мне. Вечером сыграешь мне? С самого утра в голове крутится мелодия из фильма “Амели”. Хочу услышать ее в твоём исполнении.

Я улыбаюсь.

– С удовольствием.

Простившись с мам Томой, возвращаюсь к своей работе. Замечаю, что кофейня начинает наполняться сотрудниками ближайшей корпорации. Значит, близится время обеда, и сейчас, кроме кофе и мороженого, начнут заказывать бутерброды и наши фирменные тарты с начинками.

Вечером по дороге с работы я заглядываю в магазин. Покупаю красную икру, которую так обожает тетя, свежие булочки, в рыбном отделе беру кусок семги, который планирую

запечь со шпинатом.

На кассе в очереди наблюдаю за тем, как какая-то бабулька впереди отсчитывает мелочь. Поразительный контраст ударяет прямо в центр грудной клетки. Для меня деньги – это не проблема. Я привыкла к тому, что ни на чем не надо экономить. Я просто иду и покупаю то, что мне приглянулось. И в это же самое время рядом со мной люди, которые вынуждены выживать.

– Добавьте это, – кладу на ленту икру, булочки и рыбу. Оплата картой, – коротко говорю кассиру, и она тут же пробивает продукты и меняет способ оплаты. Не потому, что радуется моей доброте, а потому, что устала ждать, пока бабуля досчитает свои кровные.

Прикладываю смарт-часы к терминалу, он пикает, и кассир сообщает бабуле о том, что ее покупки оплачены. Дальше следует неловкий момент старушечьих слез, благодарностей и пожеланий счастливой жизни. И все это за такой простой поступок.

Как только женщина выходит, я возвращаюсь в магазин и беру тот же набор продуктов, но добавляю к нему два ведерка мороженого. В этот раз на кассе без происшествий, так что я быстро покидаю магазин и топаю домой. Хочу провести спокойный вечер со своей тетей. Но как только захожу в квартиру, понимаю, что это мне не светит.

Мама Тома встревоженная.

– Что-то случилось? – спрашиваю ее, выгружая покупки

на стол на кухне.

– Нет, – быстро отвечает она. – С чего ты взяла?

– По лицу вижу.

– А-а-а, – тянет мама. – Небольшие проблемы на работе.

Но мелочи, переживу. Не первый раз.

Она хихикает, но как-то нервно.

Забытая и давно проработанная тревожность снова поднимает свою голову, вынуждая меня становиться подозрительной и контролирующей.

Что-то, черт возьми, не так!

И мам Тома это знает, только не говорит, в чем проблема. А, может, она, как и я, тоже встревожена, просто не хочет беспокоить меня еще сильнее.

Я вливаюсь в нее взглядом и весь вечер внимательно слежу, пытаюсь все же разгадать эту загадку. Но к ночи маме удается усыпить мою бдительность. Только вот утром возле кофейни тревога набирает новые обороты, когда рядом со зданием останавливается черный автомобиль представительского класса с наглухо затемненными окнами, заднее из которых опускается. Я чувствую оттуда взгляд, но не вижу, кто на меня смотрит. От него по коже бегут противные колючие мурашки, и я тороплюсь в кофейню, чтобы скрыться за прозрачной преградой из стекла, которая вряд ли уберет меня от того, кто сидит в этой машине.

Глава 4

Каэтано

Я спускаюсь в фойе роскошного отеля. Застегиваю пуговицу на пиджаке. С кожаных кресел тут же поднимаются Лоренцо и мой охранник. Без единого слова мы покидаем здание и садимся в арендованный черный автомобиль. Охранник, Бернардо, устраивается впереди, мы с консьюержи занимаем заднее сиденье, и он тут же поднимает перегородку.

– Через два часа встреча с Алексеем, – сообщает он.

– Хочу выпить кофе, – отзываюсь я.

Мне не надо объяснять моему консьюержи, где именно я хочу выпить первую чашку своего эспрессо. Он просто озвучивает водителю адрес, и тот везет нас по улицам столицы.

Город очень красивый и древний. Когда-то я приезжал сюда со своим отцом. Это было в те времена, когда он сотрудничал с местной мафией. До того, как все пошло наперекосяк, и произошло то, что произошло.

Достаю из кармана знакомый браслет. Хитрое плетение серебристой цепочки из белого золота. На застежке болтается небольшой бриллиант в крапановой оправе. Несколько зубцов надежно удерживают камень на месте.

Провожу по цепочке пальцами, словно перебираю четки. Цепляю пальцем подвеску и продолжаю тот же путь. Меня это действие успокаивает и в то же самое время заставляет

кровь замерзнуть.

Не бывает таких совпадений.

Их просто не существует.

Но судьба, которая и так любит насмехаться над людьми, сделала меня своим главным объектом развлечений.

Что ж, пора напомнить ей, что я самостоятельно распоряжаюсь своей жизнью и все ее повороты смоделированы мной.

Машина тормозит у тротуара, и как раз в этот момент к кофейне подходит она.

Я приоткрываю окно ровно настолько, чтобы видеть ее, но при этом оставаться в тени автомобиля. Окидываю взглядом, начиная от красных кед, и поднимаюсь выше, рассматривая стройные ноги, скольжу выше по белому сарафану в мелкий розовый цветочек. Огибаю тонкую талию, ласкаю упругую грудь, спрятанную под тканью. Взгляд цепляется за тонкие кисти. Елена держится за лямки рюкзака, и я сжимаю точно такой браслет, какой висит на ее руке.

Она всматривается в мое окно, но вряд ли может рассмотреть меня.

В голове мгновенно созревает цепочка событий, которая может помочь мне в осуществлении задуманного. Но я не тороплюсь воплощать это в жизнь, потому что привык все взвешивать и продумывать наперед. А пока...

Елена заскакивает в кофейню, словно я обжег ее своим взглядом.

Это только начало, девочка...

– Кофе, босс? - спрашивает Лоренцо, а я киваю.

Он опускает перегородку.

– Бернардо, мы с боссом выпьем кофе, – сообщает он охраннику, и тот выходит из машины, чтобы распахнуть для меня дверцу.

Покинув автомобиль, на пару мгновений задерживаюсь на улице, чтобы осмотреться по сторонам. Мои люди следят за верными псами Коваля. Но я тоже не теряю бдительности.

Странно, что такой “уважаемый” человек, как Андрей Коваль, оставляет *ее* без присмотра.

Мы с Лоренцо заходим в заведение. Здесь пахнет ароматным кофе и выпечкой. Сразу садимся за столик. Я осматриваю помещение, которое с двух сторон окружено только стеклом. Довольно небезопасное место для такого человека, как я. Но уверен, у Лоренцо все под контролем.

Справа от меня раздается мелодичный девичий голос, который заговаривает на русском. Я поднимаю голову и сталкиваюсь взглядом с пронзительными голубыми глазами.

А вот и она. Сама ко мне пришла.

Елена смотрит, словно затравленный зверек на хищника. Она еще не знает, кто я такой, но подсознательно чувствует угрозу. Это хорошо.

Но вот что интересно. Она не пасует. Не отводит взгляд. Смотрит прямо, практически не моргая. Несмотря на то, что взгляд выдает подсознательную оторопь, она не демонстри-

рует ее открыто.

– Мы не говорим на русском, – выдаю сначала на итальянском.

На ее лице появляется робкая улыбка, щеки слегка краснеют.

Она красивая. Фотография не передает нежного очарования этой девушки. Там она просто по-обычному симпатичная. Вживую я чувствую ее энергетику. Силу и слабость, которые интересным образом переплетаются в этой девушке.

– Меня зовут Елена. Что я могу предложить вам? – она переключается на английский. То есть, итальянского не знает. Это хорошо. – У нас есть кофе, десерты, бутерброды. Вы уже что-нибудь выбрали? – она кивает на стоящее на столе меню.

– Эспрессо, – отвечаю. – Без сахара. И десерт на ваш вкус.

– Только черный кофе, – говорит Лоренцо, и Елена переводит на него такой взгляд, будто до этого считала, что я один сижу за столиком. В глазах на мгновение мелькает удивление, которое она тут же скрывает.

– Сейчас принесу, – отзывается она и разворачивается, возвращаясь к бару.

Я не свожу с нее глаз, пока бариста готовит кофе, а сама Елена достает из-за стеклянной витрины кусок какого-то торта.

– Может, лучше соблазнить ее? – предлагает мне Лоренцо сценарий дальнейшего развития событий.

– Слишком долго. Люди Коваля следят за ней? Насколько тщательно? – спрашиваю, все еще наблюдая за Еленой.

Она обошла стойку и теперь стоит спиной ко мне, загружая на поднос десерт и наши напитки.

– Следят, но на расстоянии, – отчитывается Лоренцо.

– Зря они так, – отзываюсь.

Елена поворачивается и сразу сталкивается со мной взглядом. Едва заметно вздрагивает, но я уже настроен на нее настолько, что считываю даже микромимику, не говоря уже о сигналах тела.

Обычно люди считают, что нужно следить за словами человека, а не действиями. Я люблю наблюдать. Наше тело говорит громче всяких слов. Оно подает сигналы, которые словами мы не выразим, потому что хотим скрыть страх, уязвимость, боль, обиду. Любые чувства, которые в конкретный момент могут сделать нас слабее или показать истинные намерения.

Как Елена прямо в эту секунду. Страх, уязвимость, напряженность – обо всем этом буквально кричит ее тело, пока на лице сияет вежливая улыбка, призванная усыпить мою бдительность.

Она выставляет напитки на столик, и ее браслет позвякивает о фарфоровую белую чашку. Каждый раз, когда раздастся негромкий “дзынь”, я бросаю взгляд на ее запястье.

Лоренцо вежливо благодарит Елену, та бросает на меня еще один взгляд и отходит.

– Завтра, – выдаю я и делаю первый за сегодня глоток черного, как моя душа, кофе. Мой консильери знает, что означает это слово, учитывая, что я так и не отвел свой взгляд от Елены.

Глава 5

Елена

– Видела, какой красавчик за твоим столиком? – спрашивает бариста Валя и стреляет взглядом мне за спину. – Я бы с таким... – Она играет бровями, а я закатываю глаза и смеюсь. – Что? Ты разве нет?

Я бросаю взгляд через плечо. За столиком действительно сидит красивый мужчина. В смысле, тот, который помоложе. Темные волосы, контрастирующие с очень голубыми глазами. Даже с этого расстояния я вижу их цвет. Наверное, потому, что при наличии настолько темных волос ожидаешь, например, карих глаз.

Вздохнув, разворачиваюсь и иду к этому столику. Чуть замедляюсь, когда чувствую, как кожа покрывается мурашками. И чем я ближе, тем они крупнее. Даже почесаться хочется от этого неприятного ощущения. Волоски на затылке шевелятся, но я стараюсь списать это на работу кондиционера в помещении. И общее состояние тревоги, которое не покидает меня уже который день. Надо, наверное, магний какой попить, как мам Тома советовала.

– Добрый день, – здороваюсь, останавливаясь у этого столика. – Меня зовут Елена, и я буду вашей официанткой. Сегодня у нас очень вкусные бейглы с лососем и шпинатом.

Тот, который помоложе, поворачивает голову и сталкива-

ется со мной взглядом. Оказывается, у него глаза не чистого голубого цвета. Они скорее серебристо-голубые. Интересный цвет. Завораживающий.

Но взгляд... Он пугает. В нем есть что-то, отчего сжимаются внутренности, и хочется развернуться и сбежать. Но в то же самое время остаться, чтобы продолжать смотреть в гипнотизирующие глаза.

Я слегка повожу плечами, чтобы стряхнуть неприятное ощущение.

Молодой что-то говорит на языке, похожем по звучанию на итальянский.

Голос такой, что, кажется, сердце пропускает удар. Низкий, бархатный. Мне кажется, так говорят люди, одно слово которых весомее любого крика. Речь неторопливая, словно у него есть все время этого мира.

Я чувствую, как щеки покрываются румянцем, и, улыбнувшись, перехожу на английский.

– Меня зовут Елена. Что я могу предложить вам? У нас есть кофе, десерты, бутерброды. Вы уже что-нибудь выбрали? – киваю на стоящее на столе меню.

– Эспresso, – отвечает этот мужчина. – Без сахара. И десерт на ваш вкус.

Почему-то я была уверена в том, что он закажет крепкий, густой эспresso. Такие мужчины, как он, не ассоциируются у меня с латте или рафом.

– Только черный кофе, – звучит правее, и я перевожу

взгляд на мужчину старше. К собственному стыду должна признать, что уже и забыла, что он тут.

– Сейчас принесу, – выдаю и, развернувшись, тороплюсь к бару.

Сердце, которое до этого билось с перерывами, вдруг разгоняется на максимум и колотится так, что отголоски я чувствую даже в кончиках подрагивающих пальцев. Будто мой главный орган кто-то сильно-сильно разогнал.

Сглатываю, после чего передаю Вале заказ, а сама захожу за барную стойку, чтобы достать десерт из стеклянной витрины.

Вот сейчас моя тревога, на пару минут притаившаяся внутри, вдруг опять подняла голову и сотрясает внутренности. Ощущение слезки усиливается, и я украдкой бросаю взгляд на молодого мужчину. Он не сводит с меня свой. Даже, кажется, не моргает. А я ощущаю адское притяжение и животный ужас. Это предчувствие или иррациональный страх?

К счастью, эти посетители надолго не задерживаются. Они выпивают свой кофе. К десерту молодой притронулся всего пару раз. Я украдкой наблюдала за тем, как он полноватыми губами обнимает десертную вилку, когда съедает с нее кусочек торта. Не надо было, наверное. Но он же не видел, как я завороченно глазею на него.

Они ушли довольно быстро, оставив щедрые чаевые.

Как только эти мужчины покинули кофейню, дышать как

будто стало легче. Словно с их появлением воздух в помещении стал плотным и густым, и с трудом просачивался в легкие. Но как только они покинули кофейню, я сделала полноценный вдох.

Остаток дня прошел как обычно. Время от времени в памяти всплывал его взгляд, и я чувствовала, как теплеет кожа лица, покрываясь довольно густым румянцем.

Наверное, каждая девушка так реагирует на очень красивого молодого мужчину, который слишком внимательно смотрит на нее. Но это чувство такое... дискомфортное. Как будто меня выставили на витрину перед красивым женщиной, и он оценивал все мои достоинства и замечал недостатки. В общем, хорошо, что он ушел быстро. Надеюсь, никогда не вернется.

– Мам Том, – по дороге с работы я набираю тетю. Но не потому, что хочу поговорить. А потому, что на улице ко мне вернулось чувство неуверенности, – ты говорила, что я могу брать машину.

– Я настаиваю на этом, – отзывается мама. – Это же твоя машина.

Она подарила мне небольшую машинку на восемнадцатилетие, но я так ни разу и не села за руль. На метро мне как-то привычнее. Но сегодня в огромной толпе я почувствовала себя особенно одинокой. Как будто вот-вот что-то должно случиться, я буду рассчитывать на помощь этой толпы, но все они отвернутся, чтобы сделать вид, будто ничего не

замечают.

Не знаю, откуда у меня эта ассоциация, и такие мысли в принципе. Но все же я решила, что сяду за руль и буду ездить на машине. Почему-то от этого транспорта у меня больше ощущения защищенности, чем от городского.

– Тогда завтра на работу поеду на ней.

– Ты уже домой идешь?

– Да, топаю от метро. Что-то нужно?

– Собралась суп варить, а вермишель-паутинка закончилась.

– Может, сегодня со звездочками? Или буковками?

– Ни того, ни другого у нас нет, – слышу улыбку в голосе мам Томи.

– Я зайду куплю.

– Тогда и паутинку тоже прихвати для следующего раза.

Заскочив в магазин, тороплюсь домой. Но перед тем, как подняться наверх, я спускаюсь в подземный гараж и рассматриваю свою зеленую машину. Сердце заходится от волнения, но я убеждаю себя, что у всех бывает первый раз. Потом станет легче водить.

Только вот тревога, кажется, не по этому поводу. И простыми мантрами тут не поможешь. Правда, пойму я это уже завтра, когда станет слишком поздно.

Глава 6

Каэтано

Выйдя из кофейни, сажусь в машину. Елена не смотрит в мою сторону, занята другим столиком. Но я не отказываю себе в том, чтобы бросить на нее еще один взгляд. Совсем скоро она окажется в моем доме. В качестве пленницы.

Приманки— поправляю себя мысленно.

Елена там будет в качестве приманки, а не пленницы. Хотя второй вариант даже в моей собственной голове звучит заманчиво.

— Коваль не появился? — спрашиваю Лоренцо, когда мы едем по городу к месту встречи с моими людьми.

— Нет, — он качает головой. — Крыса все еще прячется.

Я молча киваю, и остаток пути проходит в молчании.

Мы выходим у роскошного офисного комплекса. Стекло-железное здание стоит буквой “П”, на подъездной дорожке фонтан, столики и небольшое кафе. Выйдя из машины, поднимаемся на четвертый этаж, где нас встречает Николай.

— Дон Каэтано, — он кланяется и касается губами моего перстня с рубином. — Мы с нетерпением ждали вашего визита. Пойдемте.

Он провожает нас в роскошный кабинет с видом на реку и внутренний двор с фонтаном. Я сажусь в кожаное кресло во главе стола для переговоров. Остальные участники встречи

тоже рассаживаются, и симпатичная секретарша ставит перед нами чашки с кофе. Как только она выходит, я смотрю на Николая.

– Нашли Ковалю? – спрашиваю, а он поджимает губы и коротко качает головой.

– Везде искали. Ждали, что с ним захотят связаться, в том числе, члены семьи, но все как будто делают вид, что он умер. Или просто исчез.

Я сжимаю челюсти, а потом делаю глоток кофе.

– Мы перерыли весь город и область, – говорит помощник Николая, Сергей. – Сейчас наши люди шерстят страну.

– Если хочешь спрятаться, прячься под носом у того, кто ищет, – Лоренцо точно передает то, что крутится в моей голове. – Он где-то рядом.

– Мы еще раз прочедем город, – серьезно заявляет Николай.

– Не надо, – я наконец подаю голос. – Завтра у меня будет то, что выманит крысу из ее норы. После десяти утра, когда наш самолет поднимется в воздух, начинайте осматриваться. В первую очередь следите за Тамарой Волковой.

– А кто это? – хмурится Николай.

Лоренцо протягивает руку, и его помощник Вито передает тонкую папку. Мой консьюерж вставляет ее в руку Николая. Тот открывает и быстро листает. О Елене там ни слова, я это точно знаю. Сам распорядился, чтобы никто ничего не знал, кроме моих людей.

– Это его любовница? – спрашивает Николай, подняв голову.

– Это та, кто завтра поднимет тревогу и попытается с ним связаться.

– Тревогу по какому поводу?

Я молчу, глядя на Николая. Он из моих людей, но не настолько приближенных, чтобы я посвящал его во все свои планы. Он быстро смекает, что отвечать на вопросы я не стану. Быстро дает распоряжение своему помощнику следить за домом Тамары и подключить ее к прослушке, после чего тот выходит из кабинета.

– Будут еще распоряжения? – спрашивает он.

– Нет, - Лоренцо качает головой. – Ваша задача – расставить ловушки, чтобы поймать крысу. А теперь давайте о бизнесе.

– С удовольствием. Мне есть чем порадовать вас, – Николай становится чуть более расслабленным. – Но перед этим... Дон Каэтано, вы так редко балуете нас своим присутствием, что я бы хотел порадовать вас в ответ. На сегодня мы запланировали отдых за городом. Дом из сруба, настоящая банька, самые сочные девочки. Отдохнем немного в неформальной обстановке.

Я молча смотрю на него, а потом едва заметно киваю, но он улавливает этот жест и принимается рассказывать о работе с двойным энтузиазмом. А я почему-то представляю себе среди этих “девочек” Елену... Может, забрать ее уже сего-

дня?

Шесть утра, а этот город, как всегда, не спит. Я стою у панорамного окна в номере отеля и смотрю на улицу, пока пью свой кофе.

Странное ощущение, будто сегодня моя жизнь изменится. Я привык доверять не только своим здравым суждениям, но и интуиции. А она подсказывает, что как раньше уже не будет. Только вот что изменится? Вряд ли девчонка что-то поменяет в ней. Тем более, что она нужна мне только ради того, чтобы выманить Ковалю из его засады. После этого я Елену намерен отпустить, она мне не нужна.

Стук в дверь вырывает меня из мыслей.

– Войди, – командую коротко и слышу, как открывается дверь.

В отражении стекла вижу, как в номер заходит Лоренцо. Тоже ранняя пташка. Или, может, это я приучил своих людей просыпаться ни свет, ни заря? Мой отец любил поспать до десяти.

– Доброе утро, Дон Каэтано, – здоровается консьержер, останавливаясь примерно в пяти шагах от меня.

– Все готово?

– Да. Ждем, пока она выйдет из дома.

– Лоренцо, никакой драмы и растягивания удовольствия. Я хочу, чтобы люди сработали четко.

– Все будет в порядке, босс. Через час выезжаем в аэропорт.

– Хорошо, – киваю, и он уходит.

Я же допиваю свой кофе. Завтракать буду уже в самолете. Надеваю пиджак поверх черной рубашки, поправляю манжеты, проверяю запонки.

Спустя час в мой номер приходит Вито, чтобы забрать мой запасной костюм и небольшую кожаную сумку с вещами, которую я даже не разбирал толком, потому что приехал всего на сутки.

Сев в машину, чуть приоткрываю окно и закуриваю. Мы едем по городу, в котором даже в такое время уже пробки, так что дорога до аэропорта занимает почти полтора часа. Перед тем, как автомобиль останавливается у трапа, телефон Лоренцо звонит.

– Что там? – спрашивает он. – И что? Каким образом это отменяет выполнение задания? Подрежьте на дороге. Создайте аварийную ситуацию. Пусть она остановится, а вы на второй машине заберите ее. Мне надо тебя учить? Тобиас, если так, то на кой хрен ты мне нужен? Выполняйте.

Он кладет трубку и раздраженно выдыхает.

– Что? – спрашиваю я.

– Сегодня она решила сесть за руль. Пришлось перестроить план, Тобиас советовался, как лучше поступить.

Я впиваюсь взглядом в своего консильери.

– Если твои шакалы завалят операцию, Лоренцо, я лично позабочусь о том, чтобы ты запомнил этот провал.

– Босс, я ручаюсь, – отвечает он серьезно. Лоренцо нико-

гда передо мной не пасует. Но он знает, чем чревато невыполнение приказа. Мое разочарование дорого стоит. Люди платят за него самую высокую цену. — Все будет сделано.

Кивнув, покидаю машину и поднимаюсь на борт джета. Меня приветствуют пилот и обе стюардессы. Как только я сажусь в кожаное кресло, мне тут же приносят завтрак, который я спокойно поглощаю, краем уха слушая, как Лоренцо руководит операцией.

А спустя час в самолет затаскивают Елену с кляпом во рту, связанными руками и завязанными глазами.

Она не плачет, и это странно...

Глава 7

Елена

Пальцы бегают по клавишам, а перед глазами лицо того мужчины.

Бывает же такое, что чей-то образ так въедается в память, что крутишь его и так, и эдак, словно этот человек для тебя вообще что-то значит. Хотя я видела его в первый и, скорее всего, в последний раз. Но эти пронзительные глаза непонятного цвета въелись в память.

– Ты сегодня играешь эксцентрично, – слышу голос мам Томы и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее.

Пальцы останавливаются прямо посередине мелодии. Мама сидит на диване, закинув ногу на ногу и вытянув их вдоль сидухи. Томас положил лапу на ее щиколотку. Это выглядит как покровительственный жест от кота. Сам он вытянулся вдоль ее ног и, подняв голову, смотрит на меня своим обычным надменным взглядом.

– Просто такое настроение, – коротко пожимаю плечами.

– Сегодня произошло что-то особенное? – спрашивает она.

– Нет, обычный день. Мам, я завтра все же поеду на машине.

– Ты уже это говорила, – она улыбается, снова оторвав взгляд от книги.

– Просто хотела подтвердить. Наверное, мне самой это было надо, чтобы обрести уверенность.

– Ленусь, все с чего-то начинают. Правый ряд и скорость сорок километров. Потом пятьдесят. Потом перестраиваешься в средний ряд. Так все и получится.

– А если я всегда буду ездить в крайнем правом? – улыбаюсь.

– Тогда тебе будет сложно повернуть налево, – со смехом отзывается мам Тома, и узел внутри немного ослабевает.

Оказывается, я очень сильно боюсь садиться за руль. Но мама права. Надо просто начать, а там потихоньку как-то пойдет. Не боги горшки обжигают.

Следующим утром я с трепещущим сердцем спускаюсь в подземный гараж. Открываю машину, забрасываю в нее рюкзак. Внутренности от волнения переворачиваются, а потом сжимаются в тугий узел.

– Я справлюсь, – бубню себе под нос и шумно выдыхаю. – Справлюсь. Я же не глупее других.

Сажусь за руль и еще раз шумно выдыхаю. Меня окатывает ледяным потом, голова немного кружится от страха. Но я все равно вставляю ключ в зажигание, нажимаю на кнопку, и мотор тихо запускается. Мама подарила мне “электричку”, так что я почти не слышу, как она работает.

Снимаю с ручника, переключаю передачу, и... машина начинает двигаться. Я вскрикиваю и давлю на педаль тормоза, чуть не впечатавшись носом в руль. Точно, пристегнуться,

блин!

Фу-у-ух, еще раз.

Выехать с гаража – сделано. Медленно прокатиться по ЖК до выезда – сделано. Теперь самое сложное – встроиться в поток машин, чтобы выехать на проспект. Но я смогу. Я точно смогу. Ноги в таком напряжении, что даже дрожат.

Снова напоминаю себе, что все те, кто едут слева и справа от меня, начинали так же. А еще ни у кого нет цели в меня въехать.

Кое-как добираюсь до проспекта и выезжаю на перекресток. К счастью, регулируемый. Как только мне загорается зеленый, я оказываюсь на широкой дороге, и меня начинают обгонять другие машины. Они набирают скорость и исчезают из поля зрения, пока я тащусь, практически обтирая боком машины ограничитель справа от дороги.

– Я справлюсь, – снова бубню. – Я смогу.

Меня окатывает новой ледяной волной, когда я понимаю, что мне надо будет еще как-то припарковаться у кофейни. Ладно, есть парктроник. Все полу...

В этот момент я чувствую несильный удар, но он настолько пугающий, что я вскрикиваю и резко жму на тормоза, глядя на то, как подрезавшая меня машина останавливается впереди.

Кто виноват? Кто, черт возьми, виноват?! И куда звонить?!

Из черного микроавтобуса выбегает мужик. Смотрит на

свое помятое крыло, и я тоже выпрыгиваю из машины.

— Это вы меня подрезали! — кричу на него, еле передвигаюсь на ватных ногах. — Я ехала сорок километров в час! По своей полосе.

— Девушка, вы выглядите так, будто сейчас упадете в обморок, — отзывается он. — Успокойтесь. Да, я виноват. Мы сейчас вызовем полицию. Только позвольте, я открою свою боковую дверь, и вы присядете. Я не умею оказывать первую помощь. Давайте.

Он берет меня под локоть, подводит к своему микроавтобусу, потом хватается за ручку, а уже через секунду я оказываюсь внутри.

Все происходит так быстро, что я даже не успеваю сообразить, в какой ситуации оказалась. Кто-то хватается за руки, резким рывком затаскивает в микроавтобус, дверь за нами закрывается. Через считанные мгновения мои руки за спиной кто-то стягивает веревкой, а в рот заталкивают какую-то тряпку. Клянусь, я даже испугаться не успеваю, настолько быстро все происходит.

Сильные руки усаживают меня на кресло, а кто-то другой завязывает глаза. Я мычу и пытаюсь языком вытолкнуть тряпку.

Не могу, блин, поверить в то, что это произошло со мной! Как я повелась на такую подставу?

Как насчет никогда не выходить из машины в подобных ситуациях? Запереться там и ждать приезда полиции.

Черт! И где были мои мозги в тот момент?!

Вот как чувствовала, что что-то должно произойти, но такого я даже предположить не могла!

Стоп. Надо просто остановиться и подумать, пока меня не накрыла паника. А она накрое, это лишь дело времени.

Так, раскладываем на составляющие. Меня похитили – это без сомнений. Вопрос в том, зачем. Пока откидываю варианты с рабством, черным рынком органов и торговлей людьми. Самый адекватный – это конкуренты мам Томи или те, кто знает, что у нее есть деньги, и эти люди потребуют за меня выкуп. Она даст столько денег, сколько они захотят, тут я даже не сомневаюсь. И теперь я понимаю, что это самый “безопасный” вариант.

Я могла бы еще предположить, что это чей-то пранк, но у меня нет настолько отбитых друзей, кто рискнул бы подвергнуть меня сердечному приступу ради шутки. Так что этот вариант отпадает.

А теперь самое страшное. Вариантов причин, чтобы похитить меня, масса. Я выгляжу здоровой, а, значит, теоретически подхожу для того, чтобы разделать меня и продать органы.

Я девушка привлекательная, а значит, меня могут продать в рабство или что-то подобное.

Ох, аж мурашки по коже и волосы дыбом.

Надо успокоиться. Унять дрожь в теле и хорошенько подумать. Когда они привезут туда, куда везут, и вытащат кляп

изо рта, я обязательно спрошу, какого черта надо этим уродам. А пока надо взять себя в руки и не поддаваться. Остаться в здравом рассудке, чтобы иметь возможность провести переговоры с похитителями.

Через некоторое время машина останавливается. Меня берут за локти с двух сторон и выводят. Что за звуки? Как будто самолеты взлетают. Мы в аэропорту? Может, пора запаниковать?

Потом ступеньки наверх. Куда ведут, блин?! Тишина. Пахнет полиролью и цитрусами.

Меня снова усаживают. Это кресло удобнее, чем было в микроавтобусе. Пристегивают. Ноги. Ого. А потом я слышу, как заводится авиадвигатель.

В голове тут же мелькает мысль о том, что я в самолете, и он вот-вот взлетит.

Все? Теперь пришло чертово время для паники?!

Глава 8

Елена

Внутренности делают кульбит, когда самолет поднимается в воздух. Я стараюсь дышать размереннее, чтобы не впасть в истерику. Одно дело, когда тебя везут в машине, и ты все еще в своем городе, где потенциально можешь найти спасение. И совсем другое, когда ты в самолете, который стремительно набирает высоту.

Куда дальше? Где приземлится эта махина? Вариантов тысячи, и ни один из них меня не радует. Вряд ли мы сядем просто в другом аэропорту в этой же стране.

Я слышу негромкую речь. Навострив уши, распознаю некоторые слова на итальянском. Или, по крайней мере, мне кажется, что это он, потому что языка я не знаю. Пока что английский и французский – это мой предел.

А потом с моих глаз снимают повязку. Я моргаю, наводя резкость. Образ сидящего передо мной мужчины расплывается. Зажмуриваюсь и снова моргаю, пока зрение медленно не восстанавливается. Впиваюсь в мужчину взглядом.

– Вы? – произношу шокировано на русском.

Передо мной сидит тот самый молодой мужчина, которого я обслуживала в кофейне. Красивый итальянец, что снился мне ночью.

– Какого черта тут происходит? – хмурюсь я.

– Я не знаю русского, – отзывается он на английском. – Если ты не говоришь на итальянском, используй английский.

– Что вы от меня хотите? – спрашиваю, переходя на понятный ему язык. – Куда мы летим?

– Ты все со временем узнаешь. Пить хочешь?

– Я домой хочу! – рявкаю. Внутри поднимается буря. Каким-то чудом страх прячется глубоко внутри, выталкивая на поверхность злость. – Вы не имеете права вот так забирать меня! Я живу в свободной стране с работающими законами! За похищение предусмотрено наказание! Меня будут искать и рано или поздно выйдут на вас! Что вы от меня хотите?

Краем сознания я удивляюсь богатству своего словарного запаса. Обычно из-за редких возможностей попрактиковать язык мне приходится подбирать слова, и по этой причине кажется, будто я торможу. Хотя словарный запас у меня обширный. А тут речь льется из меня, как из рога изобилия. Жаль только, простых слов недостаточно, чтобы я оказалась дома.

– Не трать силы понапрасну, – спокойно отвечает мужчина. – Отдохни, нам лететь несколько часов.

Он берет со столика черный ноутбук с логотипом надкушенного яблока, открывает его и смотрит в экран, пока его пальцы бегают по клавиатуре.

Вот так просто, да?

Моя грудная клетка ходит ходуном, пока я сверлю мужчину взглядом. Приходится признать, что его убойная аура,

которую я ощутила еще в кофейне, никуда не делась. Она тяжелыми волнами расходится от мужчины и распространяется по салону частного самолета. Дышать становится тяжелее. Внутренности медленно сжимаются. И такое странное ощущение, будто... Ну нет. Я не могу чувствовать к нему никакого желания. Да, мужчина красивый, без сомнений. Но чтобы вот прямо возбуждал – точно нет. В других обстоятельствах возможно. Там, где он бы красиво ухаживал, а я это позволяла.

Так, что-то меня не туда несет. Надо остановиться.

Прикрыв глаза, упираюсь затылком в кожаное сиденье и дышу как можно медленнее. Намеренно, усилием воли замедляю сердцебиение. За ним и мысли прояснятся, потому что сейчас их колбасит, как старого клубного тусовщика.

Медленно и четко. Надо думать медленно и четко.

Меня похитил какой-то итальянский мужик, смахивающий на мафиози.

Черт, да мы в двадцать первом веке! Какой мафиози?! Дон Корлеоне, блин.

Опять не туда уносит.

Зачем я могла понадобиться этому мужчине?

Ой, это бесполезно все, потому что возвращаются все мои теории, одна страшнее другой. Гораздо эффективнее домыслов будет прямой вопрос.

Распахиваю глаза и снова впиваюсь в итальянца. Он поднимает взгляд и тут же опускает.

– Как вас зовут? – спрашиваю, памятуя, что договориться с похитителем можно, сблизившись с ним. Я такое в кино видела. Он снова бросает на меня взгляд и возвращает его на экран. – Так тяжело сказать? Меня Леной зовут. А вас?

Он вздыхает и на этот раз смотрит дольше.

– Просто странно лететь с кем-то в самолете несколько часов, и так и не познакомиться, – продолжаю я и пытаюсь выдавить из себя хоть крошечную улыбку, но губы словно одеревенели. – Поэтому я спрашиваю ваше имя. А не для того, чтобы позвонить в полицию, – ляпаю я. – Не то чтобы у меня была такая возможность прямо сейчас... – Прикусываю язык, потому что от волнения меня несет. – Гм... В смысле, просто назовите свое имя.

– Каэтано, – вдруг выдает он, а я затыкаюсь и глазею на него широко распахнутыми глазами. – Каэтано Контини. Мое имя что-нибудь говорит тебе?

Я медленно качаю головой. Конечно, не говорит. Я ни с одним итальянцем не знакома. Кроме супер-известных личностей типа Джованни Бокаччо или Леонардо Да Винчи я вообще никого не знаю.

Кивнув каким-то своим мыслям, мужик – в смысле, Каэтано, – снова опускает взгляд на экран.

Так, надо продолжить диалог. Только как к нему обращаться? Как там в Италии обращаются к мужчинам? С чего я вообще взяла, что он итальянец? Может, имя такое, а сам он какой-нибудь... Ага, грузин, Лена. От этой мысли хочет-

ся хихикнуть, но смех вместе с воздухом застревает в горле.

– Вы итальянец? – выпаливаю. – Ну, да, – продолжаю на русском. Конечно, итальянец. Он говорит на итальянском, его зовут Каэтано. А еще он медленно кивает, не сводя с меня сосредоточенного взгляда. – Я не знаю ни одного итальянца.

Замолкаю. Он меня не понимает, а этот бубнеж мне ничем не поможет.

Так как там к ним обращаются? Синьор? Мистер? Как, блин?!

В голове проносится мой скудный итальянский запас. Только я никак не могу вспомнить “синьор” – это испанское или итальянское. В голове проскакивает слово “саго”, но я не помню, что оно означает. Сглотнув, нова смотрю на Каэтано и все же решаюсь.

– Саго* Каэтано, – выдаю, а он стреляет в меня таким взглядом, от которого я вжимаюсь в кресло. Я что-то не так сказала?

* *Caro(um.)* – дорогой, милый

Глава 9

Каэтано

Почему она не истерит?

Не то чтобы я хотел этого, но ждал. В такой ситуации любая нормальная женщина начала бы истерить. Но Елена, похоже, дочь своего отца. Хотя... тут два раза посмотреть, учитывая, что эта крыса прячется в какой-то норе, изо всех сил стараясь избегать встречи со мной.

На ее лице написана паника. Она черной тенью проскакивает в голубых глазах, но тут же испаряется, когда отважная девочка задирает подбородок.

Она пытается говорить со мной. Выясняет мое имя.

Елена не собирается добиваться освобождения истерикой. Она хочет вести переговоры, и это, надо сказать, вызывает уважение. Больше, чем я испытываю к Ковалю.

А потом внезапно она выдает это:

– Дорогой Каэтано.

Дорогой. Милый.

Какого черта?

Я впиваюсь взглядом в ее лицо, пытаюсь понять, какую игру она затеяла, а в грудной клетке всего на мгновение – которое я едва замечаю, – проскакивает теплая волна. Давно я такого не ощущал. Если быть точным, три года как.

Сжав челюсти, возвращаю себе самообладание и продол-

жаю смотреть на отважную девочку в ожидании того, что она дальше скажет.

– Дорогой Каэтано, – повторяет она. Похоже, Елена просто не знает значения слова “саго”, но я не учитель итальянского, чтобы пояснять ей, потом сюрприз будет. – Объясните мне, что я делаю в этом самолете. Я имею право знать.

– Летишь, – после короткой паузы отвечаю на ее вопрос.

Вижу, как Елена начинает закипать от столь очевидного ответа, но продолжаю молчать, чтобы посмотреть, что она скажет или сделает дальше. Мне даже становится интересно, потому что она ведет себя не как типичная жертва похищения. В то время, когда ждешь, что она станет брыкаться, кричать, истерить, рыдать, Елена пытается договориться. Держится изо всех сил, чтобы не дать панике накрыть ее.

Сама того не подозревая, она дает мне четкое представление о ее характере. И мне кажется, в нем больше от матери, чем от отца. Ее мать я не знал, но предполагаю, что она не унаследовала этот нрав от слюнтая, который подарил ей жизнь.

Меня всегда привлекали сильные женщины, сколько бы им ни было лет. Моя мать была такой. Что бы ни происходило, она всегда держала лицо и умела в критических ситуациях – а было их немало, – собраться, отбросить эмоции и придумать, как действовать. Даже умирая, она заботилась не о собственной боли, а о том, чтобы за несколько последних минут дать мне наставления на будущую жизнь.

От воспоминаний сжимаются внутренности, и холод внутри меня становится болезненным. Я чувствую, что и атмосфера вокруг меня меняется, потому что я начинаю источать вибрации, от которых окружающие обычно стараются ретироваться и не попадаться мне на глаза. Взгляд Елены тоже меняется на опасливый, как будто она чувствует перемены.

– Я и сама знаю, что лечу, – наконец выдает она, но не так уверенно и дерзко, а как будто аккуратно, боясь вызвать еще более страшную реакцию у меня. – Куда мы летим?

Вот теперь она начала задавать правильные вопросы. Она спрашивала и раньше, но я был не заинтересован отвечать. А сейчас мне забавно поучаствовать в этой игре и посмотреть, как быстро я доведу Елену до грани, за которой ее самообладание даст трещину.

– В Италию.

Елена раздраженно вздыхает, но потом возвращает на свое лицо бесстрастную маску.

– В какой город?

– Мы летим не в город.

– А куда?

– В Италию.

– На остров? – прищуривается умная девочка, заслуживая еще один балл в копилку моего уважения. Я медленно киваю. – Сицилия, да? – Еще один кивок. – Ох, – вздыхает. – А зачем? Что вам от меня нужно?

Жаль, что игра так быстро заканчивается. Начинаясь она

интересно.

Опускаю взгляд в ноутбук, продолжая изучать присланный Лоренцо отчет.

– Дон Каэтано, – слышу голос консьери, – может, покормить ее?

– Я скажу, когда придет для этого время, – отзываюсь, не поднимая головы.

– Дон? – произносит Елена. Смотрю на нее. Она нервно смеется, как будто не может поверить в то, что услышала. На моем лице ни единой эмоции. – Как Дон Корлеоне? – Снова смех. А потом он резко обрывается, когда она видит, что выражение моего лица не меняется. Сглатывает. – Да ладно, – ее голос садится. – Мы же не в книге. Это какой-то абсурд.

Она еще что-то бормочет на русском, который, к слову, стоило бы выучить. Не ради Елены, а потому что будет полезно знать его. Мне еще предстоит иметь дело с их мафией.

А потом она замолкает, продолжая поглядывать на меня, но теперь с еще большей опаской. Как будто внезапно до нее дошло, с кем она имеет дело, и что это не шутка и не игра.

Я продолжаю читать отчет, краем глаза замечая, что Елена практически перестала шевелиться. До этого она пыталась занять более удобное положение, сучила ногами, а теперь застыла, словно статуя.

– Если что, – говорит она спустя некоторое время, – у моей мамы есть деньги. Она может выкупить меня. Вам же это надо?

– Если мои источники не врут, то у тебя нет матери, – бесцветным голосом отзываюсь я. Она мгновенно бледнеет.

А до меня доходит еще одна мысль: у нее действительно нет матери. Как и у меня.

Нет, стоп. Я не стану искать совпадения в наших биографиях.

– А у вас? – вдруг спрашивает она, впиваясь в мое лицо таким взглядом, будто пытается им вытащить из меня какие-то сведения помимо моей воли. – У вас есть мать? Сестра? Дочь? В вашей семье есть женщина?

Всего на мгновение биение моего сердца ускоряется. Но этого мгновения хватает, чтобы в грудной клетке поднялось чувство, которое я привык подавлять: ярость, выросшая из чувства безысходности.

– У меня нет семьи, – выдаю ледяным тоном и киваю Лоренцо, чтобы ей сунули в рот кляп.

Глава 10

Елена

В какой-то момент мне отвязывают руки, чтобы я воспользовалась туалетом. После этого, выйдя из кабинки, я даже не пытаюсь брыкаться. Что я могу сделать на высоте нескольких тысяч метров, когда в салоне полно огромных мужчин грозного вида, а прямо передо мной сидит гребаный глава сицилийской мафии?

До сих пор не могу поверить.

Такое ощущение, будто я попала в фильм или параллельную реальность.

И только после того, как узнала, кто мой похититель, начала подмечать мелочи. То, как перед Каэтано лебезят все присутствующие. Как они лишний раз как будто боятся заговорить с ним. Только мужчина с проседью на висках ведет себя немного решительнее, но не настолько, чтобы разговаривать с Контини на равных. Все равно видно, как он аккуратно подбирает слова, хоть я ни черта не понимаю по-итальянски.

Один раз к нам выходят две стюардессы, которые приносят напитки. Для меня апельсиновый сок и какой-то вкуснейший кофе с молоком. К нему положили круассан, к которому я не притронулась. Мне сейчас кусок в горло не полезет. Пью только потому, что очень хочется.

Больше мне не связывают руки и не затыкают рот кляпом. Но и всякое желание заговорить с устрашающим мужчиной напротив у меня пропало.

Я пока не понимаю, с какой целью меня похитили, но что-то подсказывает мне, что о сексуальном рабстве или продаже на органы речь не идет.

Каэтано что-то говорит одному из громил и тот, встав, подходит ко мне. Нависает, а я вжимаюсь в спинку кресла. Он же берет мои ремни безопасности и пристегивает.

– Не дергайся, – говорит на английском с очень ярко выраженным акцентом. – Если, конечно, не хочешь снова быть связанной. И води себя тихо.

– Я и так молчу, – не удерживаюсь от раздраженной реплики.

Он не отвечает. Пристегнув меня, возвращается на свое место, и через пару минут самолет начинает снижаться. Каэтано закрывает ноутбук и, вернув его на столик, смотрит в окно. Я же закрываю глаза, молясь о том, чтобы выжить.

На трапе меня сопровождает один из громил. Как только машина остановилась, мне снова связали руки за спиной, но глаза на этот раз оставили открытыми.

Нас встречают четыре черных джипа с тонированными окнами. Каэтано с мужчиной с проседью садится во второй, меня же громилы усаживают в третий и прижимают с двух сторон широченными плечами.

Внутренности завязываются в узел, когда кортеж трогает-

ся с места, и мы выезжаем из аэропорта. Дорога, по которой мы едем, вызвала бы у меня восторг в любое другое время. Если бы я приехала сюда добровольно в отпуск, например. Но я помню, что являюсь пленницей какого-то дона мафии, который вот так просто похищает людей.

Чем ближе мы к пункту назначения, тем сильнее колотится мое сердце, резонируя в горле.

Страх накатывает волнами и длинными, тугими щупальцами сжимает внутренности, затрудняя дыхание. Вот еще гипервентиляции мне тут не хватало. Я медленно втягиваю воздух носом и выдыхаю через рот, чтобы от ужаса не хлопнуться в обморок. На всякий случай пытаюсь запомнить дорогу, но мысли начинают путаться от страха.

В конце пути мы подъезжаем к огромному каменному забору. Останавливаемся перед глухими коваными воротами высотой как три или даже четыре меня. Те медленно открываются, и мы въезжаем на роскошную территорию. По бокам от ворот стоит вооруженная охрана, которую мы минуем без остановки. Вдоль дороги стройными рядами растут кипарисы. Они выглядят так, будто им специально придают форму пламени, и они острыми вершинами стремятся к небу.

В конце пути нас ждет огромная территория. Все засеяно газоном. Небольшой пруд, большой двор с фонтаном, вокруг которого вьется подъездная дорожка. Мы останавливаемся у невероятно красивого белого трехэтажного особняка. Такая очень итальянская постройка с колоннами при входе и

мраморной плиткой. И да, в другое время я бы восхитилась и роскошью, и красотой окружающего пространства. Но не сегодня.

Сегодня я еле дышу от ужаса, когда меня вытаскивают из машины и ведут в дом следом за Каэтано с его приспешником.

Нас встречает симпатичная женщина строго вида. Ей за пятьдесят. Взгляд острый. Глаза как пули. Она одета во все черное. Внимательно смотрит на меня, слегка поджав губы. Надежда на то, что в ее лице я найду помощницу, которая поспособствует моему возвращению домой, умирает, так толком и не успев сформироваться в четкую мысль.

Каэтано дает ей какие-то распоряжения, кивнув в мою сторону. Она задает вопросы, он коротко отвечает, после чего она кивает, и они с мужиком уходят.

Мне наконец развязывают руки, и я растираю запястья, которые саднит от оставленных на них грубыми веревками следах.

– Parli italiano? – спрашивает меня женщина, а я качаю головой.

Эту фразу я понимаю. Она уточняет, говорю ли я на итальянском.

– Только английский, – отзываюсь на этом языке.

– Английский, – произносит женщина и вздыхает. – Тяжело нам будет. Пойдем. И не делай глупостей, территория огорожена и защищена, сбежать не получится. – Она говорит

медленнее, чем общалась с хозяином дома, потому что ей приходится подбирать слова. – Ты должна... – Она щелкает пальцами. – Вести себя нормально. Только тогда твоя жизнь здесь будет спокойной.

Нам навстречу торопится молодая девушка, которая бросает на меня заинтересованный взгляд, но потом ловит строгий взгляд женщины и быстро отводит свой. Женщина переходит на итальянский и да, я не ошиблась. На родном языке, когда ей не надо подбирать слова, она говорит гораздо быстрее.

Мы поднимаемся на второй этаж. Меня провожают почти в самый конец коридора и заводят в просторную светлую спальню с огромными окнами с видом на бассейн и гигантскую ухоженную территорию с гольф-полем и дорожками для прогулок.

– Теперь это твоя комната, – говорит женщина. – Меня зовут Мирелла. Синьора Мирелла. Если что-то надо, ищи меня. В гардеробе развешаны вещи. Можешь принять душ и переодеться. Через час тебе принесут обед. Из комнаты ты не выйдешь. Ты теперь... гостя Дона Каэтано. И не пытайся сбежать, – повторяет она. – Не выйдет.

Я даже не успеваю открыть рот, как она уже покидает комнату и закрывает тяжелую дверь, а потом я слышу щелчок замка.

Теперь-то уже можно паниковать?!

Глава 11

Елена

Меня знобит, несмотря на то, что я стою под горячими струями в душе.

Огромная стеклянная душевая кабина в просторной ванной. Здесь есть все и даже больше: отдельно стоящая ванна на медных ножках, длинная столешница с двумя раковинами. Все из настоящего мрамора. Два зеркала. Одно над раковинами, второе – в полный рост. Закрытые стеклянными дверцами шкафчики с полотенцем и всем необходимым. Подогреватель для полотенец и халатов.

В душе я обнаружила кучу средств для мытья. Все женские, новые.

Вот сейчас я наконец ощущаю тот самый откат от неслучившейся истерики. Точнее, проглоченной. Той, которой я так и не дала выход. И только в этот момент я начинаю осознавать масштабы произошедшего.

Еще пока слишком рано для того, чтобы мама Тома начала паниковать, пытаюсь понять, где я, и что со мной. Гораздо позже, когда я не вернусь домой с работы, она поймет, что что-то не так, и только потом поднимет тревогу. А я уже в тысячах километров от нее, хотя моя тетя пока еще этого даже не знает.

Наверное, именно это становится какой-то триггерной

точкой, и я складываюсь пополам. Хватаюсь за живот, в котором узлом скрутились внутренности, опускаюсь на корточки. У меня начинается истерика. Я задыхаюсь. Не могу сделать ни единого нормального вдоха. Слезы градом катятся по щекам, смешиваясь с горячей водой. Боль внутри такая, что кажется, способна убить меня.

Мне кажется, будто надо мной начали стремительно сгущаться черные тучи. Они заволакивают все пространство над головой, отрезая от света.

Все. На этом моя жизнь может быть закончена. Вполне вероятно, что я выйду из этой душевой кабины, и меня тут же положат на операционный стол, чтобы разделать, как свинью. Или привяжут к кровати, чтобы современный Вито Корлеоне мог насиловать меня и издеваться, сколько его черной душе будет угодно.

Страх стальными щупальцами сдавливает горло, и в глазах на мгновение темнеет, а прихожу в себя, уже лежа на прохладном мраморном полу. Сверху на меня из тропического душа льется вода, больно вонзаясь в кожу, будто тысяча мелких иголок.

Сев, судорожно втягиваю в себя воздух. Изю всех сил призываю свой здравый рассудок, чтобы понять, что делать дальше, но туман в голове пока мешает. Я решаю делать по одному делу за раз, как всегда советует мам Тома.

Медленно поднявшись на дрожащие ноги, убеждаюсь, что больше в глазах не темнеет. Мне повезло, что я сидела на

корточках перед тем, как потерять сознание. Падение на мраморный пол чревато, как минимум, ушибом.

Моясь, прокручиваю в голове каждое свое действие. Вот я наливаю гель на мочалку, вспениваю, потом мою поочередно каждую часть тела, мысленно проговаривая это. Мне так нужно, чтобы возвращаться в реальность и прогонять прочь ужасающие картинки из моей головы.

Помывшись, вытираюсь и набрасываю на себя теплый махровый халат, который доходит мне до пят. Меня уже не так знобит снаружи, зато внутренности как будто заморозились. Аккуратно выхожу из ванной и застываю на пороге, глядя на синьору Миреллу, которая следит за тем, как молодая девушка расставляет на столике блюда с едой.

Мирелла поворачивается и окидывает меня взглядом.

– Обед, – она кивает на столик.

Я уже хочу отказаться, но захлопываю рот. Силы мне понадобятся. Кто знает, что будет дальше? А вдруг мне выдастся возможность сбежать, а сил не будет?

Кивнув, сажусь за стол. Блюда пахнут потрясающе. Тут какой-то крем-суп с плавающими в нем креветками, салат, паста с морепродуктами, и ко всему этому сок и сладкая выпечка.

Первые пару ложек даются с трудом, особенно учитывая непрерывное наблюдение за мной Миреллы. Но потом она, убедившись, что я продолжаю есть, удовлетворенно кивает, и они с девушкой покидают комнату. Снова звучит щелчок

замка.

Я продолжаю есть, глядя на улицу. День очень солнечный, на небе ни облачка. Роскошный вид немного успокаивает, но совсем чуть-чуть. Тревога никуда не делась, потому что я ненавижу чувство неопределенности. Оно заставляет меня мимовольно придумывать разные сценарии развития событий, и хорошие стоят в списке последними.

Доев, открываю дверь на просторный балкон. Выхожу и плотнее кутаюсь в халат, хотя на улице жарко. Ступаю босиком по мраморному полу, едва ли нагревающемуся от солнца.

Сев на просторный диванчик, обнимаю свои колени и продолжаю смотреть на безупречное гольф-поле и небольшую оливковую рощицу справа, где между деревьями выются аккуратные дорожки.

Не знаю, сколько времени провожу на балконе, но вздрагиваю, когда слышу четкие мужские шаги по комнате, а потом на пороге балкона показывается сам хозяин дома.

– Почему не переделась? – спрашивает он.

На нем только черная рубашка, расстегнутая на пару пуговиц и с закатанными до локтей рукавами, и такого же цвета брюки. На ногах замшевые мокасины без опознавательных знаков.

Каэтано выглядит более расслабленным, но суровость в его образе это не смягчает.

– От кого тебе достался такой цвет глаз? – спрашиваю я

совершенно невпопад. Ну какая мне разница? Разве это сейчас самый главный вопрос, черт подери?!

Он несколько секунд молча смотрит на меня, будто раздумывая, стоит ли отвечать.

– От матери, – коротко выдает он.

– Ты же говорил, у тебя нет семьи.

– Переоденься, – вместо ответа на мою реплику говорит Каэтано, а потом разворачивается, и я слышу его удаляющиеся шаги.

Вскочив со своего места, бегу следом и застаю его уже у двери на выход.

– Что ты от меня хочешь?! – выкрикиваю. – Зачем я тебе? Сексуальное рабство? Или хочешь продать меня на органы? Что тебе, черт подери, надо?!

– Сексуальное рабство? – спрашивает он и медленно оборачивается. Смотрит на меня с приподнятой бровью. А потом начинает неторопливо идти в мою сторону. Я немного пачусь, глядя на то, как неумолимо он приближается. – Что ты можешь дать мне, чего не могут другие дать добровольно? Что в тебе может быть такого, ради чего мои люди отслеживали тебя, а я лично прилетел тебя забрать?

Моя челюсть отвисает. В его вопросах больше ответов, чем я надеялась услышать.

– Тогда почему ты меня похитил? – спрашиваю севшим голосом, когда он останавливается в шаге от меня.

Глава 12

Елена

Каэтано не отвечает на мой вопрос. Он молча выходит, оставляя дверь открытой. Я ждала, что меня запрут в четырех стенах, и я буду сутками сходить с ума. Но вместо этого итальянская сволочь просто оставляет дверь приоткрытой. Я аккуратно выглядываю в пустой коридор. По обеим сторонам у стены на постаментах стоят небольшие статуи, а на стенах развешены картины.

Я на цыпочках медленно пробираюсь по коридору, разглядывая произведения искусства. Что-то подсказывает мне, что картины оригинальные. Такой пижон, как Каэтано как-там-его... Контини не стал бы вешать в своем пафосном особняке подделку.

Пройдя по коридору, останавливаюсь у лестницы и хватаюсь за холодные мраморные перила. Они широкие настолько, что мне их не обхватить. Слышу внизу какой-то мужской разговор. Один из голосов принадлежит Каэтано, а второй другому мужчине. Речь хозяина дома неспешная и как будто даже спокойная. Но от нее веет таким холодом, что по коже бегут мурашки.

Я тихо спускаюсь на пару ступенек и наклоняюсь, чтобы посмотреть, что там происходит. Каэтано стоит в просторном фойе возле небольшого мраморного фонтана, который я

обходила, когда попала в дом. Напротив него крупный мужчина в деловом костюме, а за его спиной – мужчина помоложе. Он выглядит так, будто его вот-вот убьют. Бледный, губы сжаты в тонкую линию, в глазах плещется страх, когда он смотрит на Контини.

Каэтано продолжает переговариваться с мужчиной постарше, и мне даже кажется, будто молодой бледнеет еще сильнее. На его лице читается неподдельный ужас, когда он поглядывает на хозяина дома. Почему они так его боятся? Он же просто человек. Но судя по тому, какой ужас он наводит на своих подчиненных, слово “просто” с Контини вообще не сочетается.

Наконец Каэтано легонько взмахивает рукой, будто отправляя подчиненных прочь. В этот момент мужчина помоложе вдруг падает на колени и хватается за ногу Каэтано. У меня от такой картины подскакивает сердце. Хозяин дома даже не шевелится, пока тот на коленях о чем-то быстро тараторит. Я замерла и практически не дышу, глядя на странную сцену. Как бы мне хотелось знать, о чем они говорят.

В какой-то момент Каэтано чуть наклоняется и берет здоровяка одной рукой за обе щеки, заставляя посмотреть на него. Молодой мужчина тяжело дышит и замирает, глядя на босса, не моргая. Каэтано что-то спокойно говорит ему, но я улавливаю только последнее слово, которое он произносит четко и после короткой паузы: “morte”*.

Молодой мужчина бледнеет еще сильнее и вцепляется в

руку босса, но тот страхивает его, словно назойливую муху. К молодому тут же подсакивают два амбала, которые подхватывают его под руки и сопротивляющегося выволакивают из дома. Контини коротко что-то говорит мужчине постарше, и тот, угрюмо кивнув, разворачивается и следует за остальными на улицу. Тяжелая входная дверь закрывается. Контини спокойно поправляет ремень брюк, а потом разворачивается и скрывается в недрах дома.

Мне срочно надо учить итальянский, иначе я так и не пойму, что происходит в этом доме. Такой роскоши я себе позволить не могу, потому что твердо намерена сбежать. Минутка слабости прошла, теперь надо понять, как выбраться из плена.

Вернувшись в отведенную мне спальню, заглядываю в гардероб. Густо краснею, видя, какое нижнее белье для меня подобрали. Там сплошь кружево высочайшего качества. Оно нежное и мягкое, но мне привычнее хлопковое белье, которого тут нет. Не имея выбора, надеваю то, что есть, а именно нежно-розовый кружевной комплект, а поверх набрасываю легкое платье цвета пыльной розы. Оно длинное и свободного кроя.

Всовываю ноги в кожаные вьетнамки, волосы собираю в хвост и завязываю шелковой резинкой, после чего снова выхожу. Теперь я отправляюсь на разведку. Редко встречающиеся на моем пути люди кивают и продолжают заниматься своими делами: идут куда-то, вытирают пыль, носят тарелки.

Я выхожу на улицу и торможу, глядя, как возле ворот снуют вооруженные люди. С этого места их видно плохо, но ви-сящие на их плечах автоматы я различаю очень четко. Отмечаю каждую камеру по углам. Потом обхожу особняк с другой стороны и попадаю во внутренний двор. Здесь много растительности, бассейн, два ряда виноградников по левую и правую сторону. Сочные, спелые гроздья красиво играют на теплом солнце.

Я иду к левому винограднику. Срываю несколько ягод и, протерев их, по очереди забрасываю в рот. Делаю вид, что просто прогуливаюсь и осматриваю окрестности, но на самом деле топаю в противоположную от особняка сторону. А вдруг в конце гольф-поля обнаружится выход из этого ада?

Свернув за виноградником в оливковую рощу, люблюсь роскошными деревьями, а потомдвигаюсь в сторону гольф-поля. Оно огромное. И кажется, будто за ним нет никакого ограждения. Я прибавляю шаг и тороплюсь к краю поля. Чтобы пройти его полностью, у меня уходит много времени, но я не останавливаюсь. В конце концов, возможно, это путь к моей свободе.

До края поля я дохожу, уже выбившись из сил. А потом резко торможу и разочарованно стону. Здесь действительно нет ограждения. Но сразу за чертой поля чертов обрыв! Скалистый, высокий, у подножья которого плещется море, разбиваясь о преграду. Я на некоторое время зависаю, глядя на беспокойную воду.

– Красиво здесь, правда? – раздается позади голос, и я, вздрогнув, оборачиваюсь. Передо мной стоит мужчина, которого Каэтано называл Лоренцо. Тот самый хмурый мужик, который неотступно следует за хозяином дома. Мужчина одет в темную рубашку и светлые брюки. Рукава закатаны до локтей, поза расслабленная. За спиной мужчины стоит гольф-кар. Интересно, как я не услышала его приближения? Хотя волны, разбиваясь, шумят так громко, что я и мысли-то свои едва слышу. Лоренцо подходит ближе, встает в полуметре от меня и смотрит на бесконечный горизонт. – Я рекомендовал Дону Каэтано поставить здесь ограждение, но он отказался. Сказал, ни в одном из мест в мире свобода не ощущается так, как здесь. Согласны? – Лоренцо переводит на меня взгляд, а я молча смотрю на него. – Не стоит вам одной сюда ходить, синьорина. Небезопасно. К тому же, через час здесь будет настолько жарко, что вы вряд ли сможете выдержать такую температуру. В это время я рекомендую разместиться у бассейна. Плавать, наслаждаться природой и нашей кухней. Ничего вкуснее, я уверен, вы не ели.

– Наслаждаться? – спрашиваю со злостью. – Вы бы наслаждались в плену?

– Это не плен, моя дорогая синьорина, – улыбается Лоренцо. – Вы гостя Дона Каэтано. Когда он посчитает нужным, отпустит вас, поверьте.

Его слова вселяют крохотную надежду.

– Зачем ему я? Он хочет получить выкуп?

– Деньги Дона Каэтано не интересуют. Если захочет, может купить всю вашу столицу.

– Тогда что?

– Нашего Дона интересуют только люди, – загадочно отвечает Лоренцо. – Поехали, я отвезу вас к дому.

– Что вы имели в виду? – не унимаюсь я, торопясь за Лоренцо к гольф-кару.

– Дон Каэтано сам расскажет вам обо всем.

Ну вот, теперь у меня еще больше вопросов, черт подери!

*Morte – *ит.* Смерть

Глава 13

Елена

Я решаю последовать совету Лоренцо. Поднимаюсь в свою комнату, где переодеваюсь в купальник. Сверху набрасываю кружевную пляжную накидку, выбираю очки из представленных пятнадцати пар, а потом спускаюсь к бассейну. Туда мне сначала приносят фруктовую нарезку и легкое игристое вино, а потом на террасе подают обед, который я уплетаю с большим энтузиазмом, чем ела завтрак. Считаю все подчистую, напоминая себе, что силы мне точно могут понадобиться.

Устав валяться на шезлонге под балдахином и купаться в кристально чистой воде бассейна, я захожу в дом. Но в свою спальню не иду, вместо этого направляюсь сразу во второе крыло. Заглядываю в каждую из комнат на первом этаже. Они похожи друг на друга, но в то же время разные. Как будто несколько модификаций гостиных. А вот в четвертой комнате я застываю и непроизвольно трогаю подвеску на браслете.

Комната просторная, со стеклянными дверями, ведущими в сад. Они открываются гармошкой, создавая впечатление, будто исчезает вся внешняя стена. Но не все это привлекает мое внимание. И даже не изысканные кожаные диваны или мраморные столики на красивых резных ножках.

Я впиваюсь взглядом в полированный роскошный белый рояль, стоящий прямо в центре. Крышка приоткрыта, но клап закрыт. Возле рояля стоит небольшой стульчик с коваными бронзовыми ножками и кожаной белой сидухкой.

Обхожу инструмент со всех сторон, разглядывая его. Внутри он идеально чистый, как будто пыль не решается садиться на столь безупречный рояль.

Воровато оглянувшись, я пристраиваюсь на край стульчика. Кожа подо мной приятно поскрипывает. Она прохладная. В комнате тоже не жарко. И это удивительно, учитывая, какое пекло на улице. Возможно, виной всему мраморные полы, потому что кондиционера я здесь не вижу.

Поднимаю клап и люблюсь на отполированные до блеска клавиши. Пробегаю пальцами по нескольким, чтобы убедиться, что инструмент настроен.

Я не играю любимую “Пассакалию”. Это слишком личное, домашнее. Она только для меня и мамы Тома. От воспоминаний о моей тете внутренности переворачиваются. Как она там? Уже забила тревогу? Переживает? Или думает, что я на работе? Бедная, она с ума сойдет, когда обнаружит мое исчезновение. Я ее единственная семья, как и она – моя. После того, как мамы не стало, тетя за следующий год похоронила обоих родителей. Осталась только я, а теперь и меня не будет.

Сделав судорожный вдох, решаю обратиться к классике из классик, как говорит мам Тома – играю “К Элизе”. Как же

меня тошнило от этого произведения, пока я училась в музыкальной школе. Это первое, чему всегда хотели научиться ученики, и первое, что просят сыграть слушатели.

Сейчас меня тоже тошнит, но не от бессмертного произведения Бетховена, а от того, в какой ситуации я оказалась. Нарастающий ритм постепенно начинает сочетаться с бурным потоком крови в моих венах, шумящей в ушах и заставляющей мысли смешиваться в какой-то безумный коктейль. В момент, на котором ритм ускоряется еще сильнее, я яростнее ударяю по клавишам, и игра становится просто истеричной. Никогда так не поступала в этой пьесе, но прямо сейчас ярость с ледяным ужасом смешиваются в коктейль, который управляет моими пальцами.

Потом я играю “Лунную сонату” в надежде, что экспрессии в конце хватит, чтобы выплеснуть мое напряжение, но этого мало. Тогда я захожу с козыря – пальцы сами начинают играть “Времена года”, и вступаю я с “Зимы”. По коже бурным потоком тут же разбегаются мурашки, поднимая волоски на теле.

Глаза наполняются слезами, и на самых ярких участках я сильнее ударяю по клавишам, выплескивая свои острые чувства. Всего за полдня моя жизнь стала невыносимо чужой. Как будто я проживаю то, что не должна. Словно меня с кем-то перепутали и из одного – привычного – мира кинули в другой без единой подготовки.

Слезы проливаются, прочерчивая горячие дорожки на

щеках. Я до боли прикусываю нижнюю губу, практически насквозь. Мне больно, но только боль держит меня в сознании и не дает сойти с ума от ужаса всей ситуации, в которой я оказалась.

Сразу за “Зимой” идут современные произведения, переложённые на рояль. Играю все подряд, пытаюсь поймать достаточно сильную, жесткую музыку, которая будет на сто процентов соответствовать внутреннему отчаянию, которое сжирает меня, оставляя только пустую оболочку. Я рычу, вибрирую и содрогаюсь.

А потом краем глаза замечаю движение со стороны двери. Отдергиваю пальцы от клавиш, и в помещении мгновенно становится тихо. Оглушительно тихо, хотя у меня в ушах до сих пор звенят самые высокие ноты.

Я поворачиваю голову и впиваюсь взглядом в лицо Каэтано. Разъяренное лицо Каэтано. Он смотрит на меня так, будто готов прямо сейчас вытащить пистолет и прострелить голову за то, что посмела воспользоваться его инструментом. Наверняка это именно он играет, иначе зачем бы рояль содержали в такой чистоте и настроенным?

Вскочив со стула, я яростно стираю дорожки со своих щек, но на их место набегают новые.

– Что ты от меня хочешь?! – выкрикиваю со злостью. – Какого черта тебе от меня надо?!

Его лицо дергается, как будто вот-вот сползет непроницаемая маска, которую он носит, и на свет вылезет гнилое нут-

ро уроды, который вот так просто похищает девушек.

Каэтано широкими шагами преодолевает расстояние между нами. С каждым его шагом вперед я делаю небольшой назад. Он надвигается на меня угрожающе. Его пронзительный взгляд полон необъяснимых эмоций, но я уверена, ни одна не сулит мне ничего хорошего.

Контини ловит меня за локоть и дергает на себя. Я впечатываюсь в широкую грудь. Слезы мгновенно высыхают, отчаяние уступает место животному ужасу, потому что в голубых глазах я читаю свой приговор.

Второй рукой Каэтано хватает меня за подбородок, чуть задирая мою голову.

– Если ты еще раз подойдешь к роялю, клянусь, я...

Дальше он произносит несколько слов на итальянском, которые я не могу не то что перевести, я даже разобрать их не в состоянии.

– Я ни черта не понимаю! – ору на него на русском. – Ты и твой отвратительный язык! Ненавижу все это, понял?!

– Заткнись! – он переходит на английский. – Ты меня раздражаешь.

– Не больше, чем ты меня! Ублюдок! Отпусти меня, и я перестану...

Он перехватывает меня за затылок, а второй рукой закрывает рот. Я затыкаюсь, глядя в его ошалевшие глаза.

– Не открывай свой рот, – цедит с яростью Каэтано, – пока тебя не спросили. И не смей прикасаться к инструменту. Он

не твой. Ты не имеешь права, потому что ты не...

Он затыкается так же внезапно, как заговорил. А потом отпускает меня, слегка оттолкнув, а потом быстрым шагом покидает гостиную.

Потому что я не... кто?

Глава 14

Каэтано

– Дон Каэтано, время за полночь, – напоминает мне Лоренцо.

Я бросаю взгляд на антикварные часы на полу своего кабинета и киваю.

– Отдыхай, – произношу спокойно. – Завтра жду тебя к полудню. Утром же никаких встреч?

– Никаких, босс.

– Тогда до завтра.

Мой консьюерж поднимается с кожаного кресла и, кивнув, желает спокойной ночи, после чего скрывается за дверью кабинета.

Я закуриваю, выключаю лампу на столе и разворачиваюсь лицом к окну. Съезжаю в кресле немного ниже и смотрю в сторону гольф-поля. Где-то там плещется бурное море, которое *она* так любила. Это *она* просила не ставить забор по периметру со стороны обрывов. И это она говорила, что именно на краю особенно остро ощущается свобода.

“Там, – снова раздается в голове ее голос, – одна из стихий. Ты представляешь себе ее мощь? Что человек по сравнению с этим? Песчинка под ногами на пляже. Если море захочет, оно сметет всех нас. Поглотит без остатка. Это была бы страшная, но красивая смерть, правда?”

Ни одна из смертей не бывает красивой. Смерть — это уродливая часть цикла человеческой жизни. Неизбежная, от того зачастую и пугающая. Но когда ты почти каждый день смотришь ей в лицо, она перестает наводить ужас. Ты просто принимаешь эту сделку с богом и ждешь своего часа.

Докурив, иду в комнату, где стоит рояль. Елена посмела прикоснуться к нему. Посмела сесть и начать играть, как делала *она*. Просто посчитала себя вправе использовать его, словно инструмент принадлежит ей или я дал свое разрешение. Говорил мне Лоренцо запереть мою гостью в спальне и ограничить ей свободу передвижения. Если позволять ей ходить, где вздумается, рано или поздно она начнет совать нос куда не следует. Дерзкая девчонка решила так поступить сразу, едва вышла из своей спальни.

Сев на кожаный стульчик, я поднимаю клап и скольжу кончиками пальцев по клавишам. Локтем второй руки упираюсь в крышку, а ладонь прижимаю ко лбу, чуть опустив голову.

В мыслях, словно фильм, прокручиваются кадры того, как нежные, изящные пальчики с ярко-красным коротким маникюром аккуратно отодвигают мою руку от клавиш, снова и снова показывая, как правильно играть. А потом она возвращает мою руку на место и ждет, пока я сыграю так, как надо. Но вместо этого я беру ее руку и целую эти пальчики. Потом наклоняюсь к шее, втягиваю нежный аромат ее кожи. И все, я уже не могу держать себя в руках. Срываюсь и сминаю ее

губы.

Внизу живота пожар от одних только воспоминаний. И этот пожар смешивается с тянущей, мерзкой болью, которая разъедает остатки моего черного сердца.

Закрыв клап, поднимаюсь в свою спальню. Сердце долбится в ребра, чуть не стирая их в порошок. Мысли все там, в далеком и таком близком прошлом, которое до сих пор не оставило меня. И не оставит, пока все они не будут отомщены.

Приняв душ, выкуриваю еще одну сигарету и ложусь спать.

Отключаюсь на удивление быстро, хотя был уверен, воспоминания заставят меня ворочаться ближайшие два часа.

Мне снится *она*... Комната с роялем. Она сидит за ним, чуть опустив голову так, что роскошная копна темных волос, упав вперед, скрывает ее красивое лицо. Я обвожу взглядом роскошные формы. Ее круглую попку, красивый изгиб спины, тонкие руки, длинные ноги, одна из которых с усердием давит на педаль под роялем.

Из-под ее пальцев вылетает красивая мелодия. Что-то банальное, но такое уже знакомое, что ассоциируется только с ней.

Даже со своего места у двери я чувствую ее тонкий аромат, который манит меня, словно мотылек – к пламени.

– Елена, – произношу негромко. Мой голос звучит немного глухо, но она слышит. Чуть поднимает голову, но из-за за-

весы волос я все равно не вижу ее лица. На мгновение мелькают только алые губы, которые я так люблю целовать. — Элена, — зову снова.

Она поворачивает голову, и я застываю. Сердце пропускает удар, когда я вижу, что это не моя Елена. Это Елена. Моя пленница. Кажется, будто я моргаю, и ее волосы становятся цвета спелой пшеницы. Она накрашена так же, как моя Елена: ярко-красные губы и немного хищные черные стрелки.

Продолжая играть, Елена молча смотрит на меня. А я начинаю беситься из-за того, что она воспользовалась губной помадой, к которой не имела права прикасаться. Как и к инструменту, который может трогать только прислуга, регулярно протирающая его, а еще настройщик.

Я срываюсь с места и подбегаю к ней. Хватаю за локоть, рывком поднимая на ноги. Она немного напугана, но не настолько, чтобы это принесло мне какое-то удовлетворение. Ее алые губы растягиваются в улыбке. Я чувствую, что вот-вот взорвусь.

Прикасаюсь к ее губам подушечкой большого пальца, яростно тру, чтобы избавиться от алого цвета, но это не приносит никакого результата. Я всегда “съедал” помаду Элены. Не думая ни секунды, впиваюсь в мягкие губы своими. Целую жестко, карающе. Пусть понимает, что это не нежность и не желание. Я просто хочу, чтобы чертова помада покинула ее губы! Пусть не красит их! Никогда!

Она приоткрывает рот, впуская мой язык, и я провали-

ваюсь во влажный жар. Голова начинает кружиться. Я чувствую ее вкус. Слышу ее тихое мурлыканье, переходящее в стон. Она жметя ко мне своими скромными формами, а я сминаю руками ее задницу. Хватаюсь за нее и вздергиваю Елену в воздух. С громким звуком захопываю клап и усаживаю на него свою пленницу, ни на секунду не отрываясь от ее губ. Она накрывает мой член через брюки своей маленькой ладошкой и сжимает его. Я рычу ей в рот и...

Открываю глаза. Резко сажусь на кровати, чувствуя, как по голому торсу стекают капельки пота.

Вот теперь я готов убить свою пленницу. Просто за этот чертов сон.

Глава 15

Елена

Утро сегодня мрачное. Не из-за погоды, она как раз не подводит. С самого утра светит яркое солнце. Но настроение у меня хуже некуда. Бесит все: от роскошной ванной, в которой я принимаю душ, и потрясающе красивой одежды, до невероятного завтрака, который мне принесли на балкон спальни и накрыли как, наверное, накрывают в лучших ресторанах мира.

Но мне все не то. До сих пор вижу перед глазами разъяренное лицо Каэтано, когда он застал меня за роялем. Если нельзя садиться за инструмент – запри дверь в ту комнату и закрой сам рояль, чтобы было понятно, что это просто предмет интерьера.

Только беспокоит меня вовсе не все это. Лишь сейчас я осознаю, что вчера вечером в музыкальной комнате – я решила называть ее именно так – произошло нечто другое. Между нами как будто пробежал разряд тока, когда Контини прижал меня к себе, а потом схватил за подбородок. Мы оба были в ярости, испепеляли друг друга взглядами. Но было во всем этом какое-то другое напряжение, при воспоминании о котором у меня до сих пор по телу бегут мурашки.

Все это и бесит.

А еще то, что теперь, когда я знаю, что в доме есть инстру-

мент, мои пальцы так и зудят от отчаянного желания коснуться клавиш и услышать звук, ласкающий не только снаружи, но и изнутри.

Покончив с завтраком, спускаюсь вниз. Бреду по территории, думая о своей тете. Сегодня она уже точно поняла, что что-то случилось. Я еще ни разу в жизни не ночевала вне дома. Никогда бы я не заставила ее так переживать обо мне, просто исчезнув, и мам Тома об этом знает. Представляю себе, как она там сходит с ума. У меня сердце разрывается от мысли о том, что она сейчас переживает.

В целом, у меня все неплохо по сравнению с тем, как могло бы быть, учитывая, что меня похитили. Но, как говорит мам Тома, еще не вечер.

Но и когда наступает вечер, а потом проходит четыре дня, ничего не меняется. Я все так же прозябаю в роскошном особняке сицилийского мафиози. Дни напролет провожу у бассейна, в своей комнате и иногда на террасе. Из хорошего – мне дали русско-итальянский разговорник, и одна из горничных согласилась поправлять мое произношение. А еще все это время я не вижу Каэтано, и это прекрасная новость.

Но вот и плохая новость. Моя одержимость игрой на рояле усиливается с каждым днем. Почти всю жизнь я играю каждый день. Это моя отдушина. Это то, что позволяет мне не слететь с катушек. Успокаивает нервы. Даже заземляет. И теперь у меня эту возможность отобрали.

Решив, что Каэтано все же куда-то уехал, и за рояль меня

ругать некому, я решаюсь прокрасться в музыкальную комнату поздним вечером. Накануне я заметила, что весь персонал покидает дом сразу после заката. Они уходят в отдельно стоящий домик, где, судя по всему, и живут. Он расположен справа от въезда на территорию.

На закате я выглядываю в окно, видя, как персонал небольшой группой топает к этому самому домику. Дожидаюсь, пока окончательно стемнеет, чтобы меня не было видно с улицы. Мало ли, какие распоряжения Каэтано дал своим бульдогам. Те постоянно курсируют по территории с автоматами наперевес.

Сбросив свои шлепанцы, босиком выхожу из комнаты. На мне только тонкая шелковая пижама, поверх которой наброшен длинный шелковый халат. Я тороплюсь вниз. Сердце часто и гулко бьется в груди. Я предвкушаю, как буду играть, и в то же время до жути боюсь делать это. А вдруг Каэтано внезапно вернется домой? Или кто-то из прислуги что-то забыл в доме.

Несмотря на сковывающий внутренности ужас, я все равно захожу в музыкальную комнату. Сесть на стульчик сначала не решаюсь, только поднимаю клап и скольжу пальцами по клавишам. По телу проходит неконтролируемая волна дрожи от предвкушения. Ну не могу я не играть! Это просто часть меня.

Ладно, одно произведение, и я исчезну отсюда так же, как появилась.

Приземляюсь на стульчик и сразу начинаю играть мелодию из фильма “Амели”. Давно и нежно люблю ее, так что она проникает в меня через кончики пальцев и разливается по телу приятным теплом. Закрываю глаза и доигрываю до последней ноты, а потом сразу встаю, опускаю клап и, обняв себя за плечи, подхожу к окну.

Меня омывают самые разные эмоции. Больше всего поражает то, что пока играла, почему-то думала о Каэтано.

Интересно, люди рождаются жестокими и циничными или это приходит со временем? Если со временем, то что заставило Контини стать тем, кем он стал?

И почему, интересно, он одинок? У него нет семьи. Нет жены и детей. Он же красивый мужчина. От воспоминаний о том, как он смотрел на меня в этой комнате, внизу живота томительно тянет.

Вздрагиваю, когда чувствую, как кто-то встает за моей спиной. Пытаюсь обернуться, но его руки ложатся на плечи поверх моих и слегка сжимают их.

– Разве я не запретил тебе играть? – слышу голос Каэтано, и по телу пробегает волна дрожи от холода в его голосе.

– Я не могу не играть, – признаюсь честно. – Сколько себя помню, столько играю каждый день. Музыка – это часть меня. Львиная доля. Это вся я.

Он шумно втягивает воздух, и я чувствую, как атмосфера снова меняется. Становится как будто более раскаленной. Воздух вокруг нас нагревается до критических температур,

и меня бросает в жар.

– Почему ты, Елена? – спрашивает он слегка сипло. – Почему именно ты?

– Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа он разворачивает меня. Тут же запускает руку в мои волосы на затылке и сближает наши лица.

– Почему не кто-то другой, dannazione*?

Я открываю рот, чтобы спросить, что это значит, но Каэтано накрывает мои губы своими, и у меня практически подкашиваются ноги.

Он целует не нежно и сладко. Нет, он сразу захватывает мои губы в плен и проталкивает в мой рот язык, отравляя своим вкусом все мои рецепторы. Лицо тут же окатывает жаром, который стремительно спускается ниже. Сначала захватывает грудь, потом – диафрагму, позже скользит к низу живота и распространяется по ногам покалывающими ручейками.

У меня слабеют колени, и Каэтано, словно почувствовав это, хватает меня за талию и вздергивает в воздух. Сделав несколько шагов, он усаживает меня прямо на клап и вклинивается между моих ног.

Надо его оттолкнуть, остановить это безумие. Но чем дольше он целует меня, тем плотнее туман в моей голове.

– Элена, – произносит он хрипло и снова целует.

Его руки хватаются за полы моего халата и распахивают их, а потом накрывают полушария моей груди.

* Dannazione - *ит.* Черт побери

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.